

Министерство образования и науки Российской Федерации

1

**ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью**

Российско-германские отношения в условиях постбиполярного мира

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Сафонов Владислав Владимирович,
студент 406 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОП ВО:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Грибан Ирина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры рекламы и связей с
общественностью

дата

подпись

Екатеринбург 2017 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Концептуальные основы российско-германских отношений в условиях постбиполярного мира.....	8
1.1. Постбиполярная система международных отношений: основные параметры.....	8
1.2. Место ФРГ в международных отношениях в постбиполярном мире....	17
1.3. Приоритет РФ во внешней политике в постбиполярном мире.....	43
Глава 2. Развитие российско-германских отношений в конце XX – начале XXI в.....	57
2.1. Политические и экономические аспекты развития отношений.....	57
2.2. Российско-германское взаимодействие в сфере науки, культуры, образования.....	68
2.3. Перспективы развития российско-германских отношений.....	77
Заключение.....	101
Список использованных источников и литературы.....	108
Приложения.....	116

Введение

РФ и ФРГ являются давними партнерами и, что не менее важно, соседями. Географическая близость обуславливает развитие отношений между двумя странами, которые могут быть партнерскими и способствовать развитию государств, и конфронтационными.

Наши государства рассматривают друг друга как важных партнеров в различных сферах, и специалисты, занимающиеся изучением отношений между странами, нередко пытаются спрогнозировать их возможное будущее.

Актуальность этой темы очень остро стоит в настоящий момент, во многом потому, что именно Россия и Германия как две основные державы в Европе способны решать вопросы, касающиеся Украинского кризиса, поставок газа в Европу, вопросов санкций и проблемы миграции.

Преимущество во времени и нередко в качестве принятого решения на двустороннем уровне было доказано практикой взаимодействий Германии с Россией, чье руководство, в свою очередь, рассматривало связи с ФРГ в качестве важного фактора продвижения национальных интересов РФ на европейском пространстве, содействия переводу ее экономики на инновационный путь развития, обеспечения адекватного ответа на культурно-гуманитарные вызовы современности.

Учет опыта, накопленного Германией в ходе ее отношений с Россией, равно как и анализ имевших место просчетов и достижений в процессе формирования и развития этих отношений, позволяет в настоящее время осуществить взвешенное, научно обоснованное прогнозирование российского направления во внешней политике ФРГ.

Степень изученности темы.

Объектом исследования является процесс развития постбиполярной системы международных отношений.

Предметом исследования выступают факторы, тенденции и перспективы российско-германских отношений.

Цель исследования – изучить основные направления российско-германского сотрудничества и определить перспективы их развития.

В первую очередь следует выделить немногочисленные работы российских ученых, в которых был затронут вопрос о роли ФРГ на международной арене. Они стали появляться лишь на рубеже XX – XXI вв., что можно объяснить стремлением тщательного осмысления процессов, протекавших в 1990-е гг.

Одной из первых такую попытку предприняла Л.М. Воробьева, которая системно подошла к исследованию проблемы, начав с анализа изменений, происшедших в Европе и мире после окончания холодной войны.

В историко-публицистической работе А.Ю. Ватлина «Германия в XX веке» был представлен широкий спектр проблем этой страны.

Характерной чертой последующих лет стало появление коллективных трудов, в которых сотрудники ведущих российских институтов, занимавшихся проблемами германистики, подвели итоги своих многолетних исследований.

С этой точки зрения интерес вызвал сборник «Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности», подготовленный группой российских германистов – историков, политических аналитиков, экономистов.

Ведь у РФ и ФРГ много исторического и культурного наследия и на протяжении долгих лет две эти нации пытались перенимать друг у друга знания и делиться опытом.

Крупнейшим достижением отечественной науки стало появление монографии «Германия. Вызовы XXI века», написанной коллективом авторитетных германистов.

В 2013 году увидела свет коллективная монография «Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций», изданная при финансовой

поддержке Министерства образования и науки РФ. В данной работе был поставлен под сомнение ряд стереотипов, утвердившихся в отечественной исторической науке. Отмечалось, что интенсивные финансово-предпринимательские связи Германии и России не улучшили автоматически состояние политических отношений между двумя державами. Никакие инвестиции в ФРГ, включая вложения в улучшение образа РФ в этой стране, не дали весомого имиджевого эффекта.

Вместе с тем комплексные научные исследования, специально посвященные проблеме взаимосвязи позиций объединенной Германии на международной арене и реализации ею своих национальных интересов в системе многосторонних и двусторонних (на примере германо-российских) связей, отсутствуют.

В соответствии с поставленной целью автор решает следующие задачи:

1. изучить концептуальные основы Германии и России в условиях постбиполярного мира,
2. провести анализ развития российско-немецких отношений в конце постбиполярного мира (конец 90-х -начало 2000-х гг.).
3. определить место ФРГ в постбиполярном мире.
4. установить роль РФ в постбиполярной системе и установить векторы развития ее политики.
5. проанализировать политические и экономические аспекты развития российско-германских отношений.
6. изучить взаимодействие двух стран в сфере науки, культуры и образования.
7. рассмотреть перспективы развития российско-германских отношений в постбиполярной системе.

Отправной хронологической точкой настоящего исследования выступил январь 1991 г., важным политическим событием которого стало формирование первого правительства объединенной Германии во главе с Г. Колем. Конец XX – начало XXI вв. явились тем периодом, в течение которого

модернизированный механизм внешних связей ФРГ прошел адаптацию к новым условиям функционирования. В это время осуществлялись поиски оптимальных инструментов продвижения германских интересов на мировой арене, а также предпринимались шаги по их претворению в жизнь.

Территориальные рамки исследования охватывают всю территорию новой, объединенной Германии и РФ в рамках бывшей союзной республики.

Характеристика источников. В целях комплексного освещения исследуемой темы был привлечен широкий круг отечественных и иностранных источников, изданных на русском, немецком и английском языках.

Так характеристику постбиполярной системы международных отношений давали такие исследователи как Самонов А.Е., Павлов Н.В., Рогов С.М.

Место ФРГ в условиях постбиполярного мира рассматривались в трудах Яковлева А.Г., Тиммермана Х., Петров В.Л.

Приоритеты РФ в новой истории международных отношений можно наблюдать в работах Познера В.В., Примакова Е.М.

Политические и экономические аспекты развития российско-германских отношений присутствуют в работах Лисичкина В.А., Меден Н.К.

Взаимодействие в сфере культуры, науки и образования изучали такие специалисты как Кургинян С.Е., Классен И.

Перспективы развития российско-германских отношений в постбиполярную эпоху рассматривали следующие эксперты: Васильев В.А., Делягин М.Г., Никифоров О.В.

В ходе написания данной работы автором были использованы следующие методы:

- компаративный для выявления основных изменений, произошедших во внешнеполитическом курсе страны по сравнению с периодом Боннской республики,
- метод системного анализа для определения роли объединенной

Германии в формировании архитектуры постбиполярного мира,

- исторический, позволивший проследить эволюцию внешней политики в 90–е и в начале 2000–х гг.,

- а также геополитический подход, показавший трансформацию немецкой доктрины Миттель Европа в современном периоде.

Проанализировав основные изменения внешней политики ФРГ, автор пришел к выводам, что объединенная Германия стала принципиально новым актором на международной арене, появление которого изменило баланс сил, как в Европе, так и за ее пределами. Преодолев комплекс вины, немцы ощутили свою новую роль в системе международных отношений в качестве гаранта безопасности и стабильности в Европе.

Структура исследования. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Концептуальные основы российско-германских отношений в условиях постбиполярного мира

1.1 Постбиполярная система международных отношений: основные параметры

На современном этапе развития мировой экономики происходят существенные изменения во всей системе международных отношений – усиливаются взаимовлияния и взаимозависимости различных факторов и сфер экономики, что, несомненно, является закономерным и вполне логичным процессом. Постепенное накопление количественных изменений в устройстве мирового хозяйства привело мир к качественному скачку, к более высокой стадии интеграции – глобализации.

Понятие «глобализация», образованное от английского globe – «планета», «земной шар», подчеркивает всеобщий глобальный характер этого явления.

Главная тенденция развития человечества в 21 веке – глобализация информационного общества. Этот процесс обусловлен глобализацией всемирного информационного пространства. Открытия в сфере ИТ повышают возможности управления страной, помогают развитию информационного обмена и оказанию различных государственных услуг. Ценность данных начинает возрастать с каждым годом, так как информация является стратегическим ресурсом. Современные информационные технологии, ускоренное развитие и продвижение которых приобретает характер революции в сфере информации, оказывают всё большее влияние абсолютно на все сферы жизнедеятельности общества. В данный момент происходит своеобразная информационная революция, итогом которой будет переход человечества на новый уровень своего развития. И лишь изучение ИТ технологий способно показать, какие будут последствия этой революции для человечества.

Масштабные трансформации международных отношений после окончания холодной войны, резкое увеличение влияния некоторых акторов на принимаемые в русле международной политики решения и их стремительное развитие, а также ослабление позиций США в мировой политике актуализировали дискуссии о возможности становления и формирования в будущем новой биполярной системы международных отношений.

В подобных теориях одно из мест традиционно отводится США как ведущей державе в современном мире. На роль второго субъекта данной модели мироустройства примериваются то ЕС, то Россия, однако, чаще всего (особенно в западной политологии), вторым потенциальным центром силы в последнее время объявляется Китай, опирающийся на мощный рост экономической и политической активности, достигнутый за последние десятилетия. Более того, большинством исследователей признаётся вполне реальным перенос международной активности с Запада на Восток, в Азию, где и будут приниматься ключевые решения в XXI в.

XXI век, по крайней мере в первом своем десятилетии, не стал новым «американским веком». Человечество, по оценкам многих ученых, вернулось к ситуации многополярности, либо можно утверждать об этом как о «тенденции стратегического характера» [Бажанов Е.П., 2004, с. 35].

Формирующийся многополярный мир характеризуется появлением и проявлением новых тенденций, отличающих его от биполярности и однополярности.

Помимо традиционных игроков на международной арене (государств), действующих в уже сложившейся системе координат, увеличивается число новых центров, что снижает влияние государств на международную систему в целом.

Рост числа государств, оказывающих влияние на принятие политических решений на международной арене, и определённая иерархичность складывающейся структуры межгосударственных взаимодействий. Ядро, высший уровень этой иерархии составляют примерно

10-15 государств (Россия, США, Китай, страны ЕС и др.).

Усложнение структуры современного миропорядка и, как следствие, возникновение новых проблемных точек в международных отношениях приводит к попыткам конструирования и созданию иных разнообразных форматов сотрудничества: «двоек», «связок», «треугольников» (БРИКС, G-20, G-2, ШОС и др.) [Богатуров А.Д., 1996, с. 25].

В рамках формирующейся полицентричности важнейшие, если не все, составляющие мирового сообщества взаимодействуют, сотрудничают и конфликтуют друг с другом, стремясь к реализации своих интересов. Отношения между многочисленными акторами чаще, чем раньше, устанавливаются по конкретным случаям и поэтому в большей мере подвержены изменениям. Такой миропорядок следует рассматривать не как нечто раз и навсегда данное. Это - открытая по всем направлениям и для всех влияний, постоянно изменяющаяся структура.

В 2000-х гг., ввиду усиления эффектов глобализации, транснационализации, ослабления старых акторов и появления новых, помимо уже сложившихся концептуальных идей касательно моделей полярности международных отношений, формируются представления о т. н. «бесполярной» сущности современных международных отношений, где бал правят «десятки акторов, способных оказывать различное влияние на положение дел в мире».

Согласно американскому политологу П. Ханне, характер международных взаимоотношений и дипломатия после холодной войны символизируют о становлении своеобразной эпохи Средневековья, наступлении времени, когда политику творят «нарождающиеся державы, многонациональные корпорации, влиятельные семьи, гуманисты, религиозные радикалы, университеты, наемники» и прочие акторы [П. Ханна, 2012, с. 73].

Основа бытия современного миропорядка - укрепление глобальной взаимозависимости, ослабление традиционных субъектов международных

отношений - государств и сложившихся после Второй Мировой войны институтов безопасности, взрывной рост численности различных центров и определённая непредсказуемость международных отношений.

Кардинальное отличие эпохи «бесполярности» от традиционной модели многополярного мира заключается, по мнению американского исследователя Р. Хааса, в количественном росте новых центров влияния и их разнообразии. Роль традиционных акторов международной политики - государств и международных институтов ослабнет, ибо уже сейчас они не способны противостоять «эре хаоса», в который ввергла мир глобализация [Хаас Р, 2008, с. 32].

Несмотря на то, что США останутся ведущей державой, обладающей огромным потенциалом, их влияние в мире и способность к глобальному управлению будут уменьшаться, так же, как и ООН будет прилагать все усилия, чтобы сохранить систему устойчивой, но увеличить своё влияние будет не в состоянии. Фактически, власть и управление будут децентрализованы.

По мнению исследователей, можно констатировать рост проблем управляемости международной системы, поскольку организовывать коллективные действия большого числа акторов на международной арене в современных условиях будет непросто. Кроме того, складывающийся миропорядок увеличивает число угроз основам безопасности, таких, как международный терроризм, распространение ядерного оружия и пр.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что процессы эволюции системы международных отношений после окончания холодной войны отличаются динамичностью и определённой непредсказуемостью развития, появлением новых тенденций в развитии современного миропорядка.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов на международной арене произошли кардинальные политические и экономические перемены, вызванные окончанием холодной войны. Биполярная модель, определявшая ход развития мировой цивилизации на протяжении более половины XX

столетия, осталась в прошлом.

Проявившийся глобальный тренд, казалось, не вызывал сомнений в том, что на смену своей предшественнице уверенно приходит однополярная система международных отношений, характеризующаяся концентрацией международной власти в руках единственной сверхдержавы. США приобрели весомые преимущества над остальными членами мирового сообщества ввиду обладания значительно более весомыми ресурсами, которые могли использоваться официальным Вашингтоном в качестве инструментов воздействия на остальных участников глобального процесса.

Во второй половине 1990-х годов стало заметно, что новая система международных отношений нацелена на унификацию общественного развития путем распространения западной модели. Любой субъект мирового сообщества, не вписавшийся в данную тенденцию, оказывался перед угрозой силового вмешательства в свои внутренние дела. Этому способствовало возрастание асимметрии основных участников международного процесса. Кризисные явления на постсоветском пространстве и ослабление позиций России резко контрастировали с усилением Запада, выступавшего в качестве центра притяжения для стран ЦВЕ, которые втягивались в орбиту влияния Североатлантического альянса и Европейского Союза, а затем становились членами этих организаций [Ломанов А, 2008, с. 83].

Рубеж XX – XXI вв. можно считать апогеем однополярной системы международных отношений, что нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, подписанной президентом В.В. Путиным 28 июня 2000 г. «Тенденция по направлению формирования униполярной мировой структуры усиливается... Фундаментальные вопросы международной безопасности решаются западными институтами и форумами, а роль Совета Безопасности ООН ослабляется», – полагали авторы этого документа [Нарочницкая, 2010].

Однако уже в начале постбиполярной эпохи стала пробивать себе дорогу другая тенденция, обнаружение и изучение которой позволили

усомниться в неизбежности безоговорочного торжества однополярной системы. Напротив, появились основания думать, что система международных отношений переживает переходное состояние, логическим завершением которого должно стать формирование многополюсного мира.

Такой характер мировой системы отразила тенденция к относительному падению американского веса в мировом сообществе. Уже в середине 1990-х годов проявилось ослабление ведущей роли США на международной арене, причем наметилось определенное противоречие между стратегическим курсом официального Вашингтона на сохранение мирового господства и тактическими разногласиями внутри американского истеблишмента. С момента окончания конфликта между Востоком и Западом изменилась не только структура международной системы, но и внешнеполитические обязательства Соединенных Штатов. Экономические и внутривнутриполитические мотивы стали теснить классические постулаты в сфере политики безопасности на второй план: краткосрочные соображения, обусловленные предвыборной борьбой, играли все большую роль в американской внешней политике.

Финансовый и экономический кризис, отчетливо проявившийся на глобальном уровне в течение 2008 года, внес дополнительный вклад в расшатывание однополярного устройства международной системы. Положение США было ослаблено; к тому времени они накопили внешнеполитические проблемы, в том числе затянувшиеся войны в Ираке и Афганистане. Также Вашингтону не удалось предотвратить цивилизационные вызовы, которые Западу бросили Китай и мусульманский мир. В случае возникновения очередных конфликтов серьезного масштаба американских сил могло не хватить для их разрешения, поэтому новые международные проблемы настоятельно требовали не только участия США, но и подключения их партнеров, которые, обладая необходимыми ресурсами, проявляли политическую волю к укреплению своих позиций на мировой арене.

После окончания холодной войны, сверхдержавы претендующей на мировую гегемонию, стали Соединённые Штаты Америки. Используя мощный блок – НАТО, США проводят в настоящий момент достаточно агрессивную политику собственной экспансии, то есть взяли на себя роль мирового арбитра. После второй мировой войны сформировалась Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, то есть страны – победительницы собрались сначала в Ялте, потом в Потсдаме, для того, чтобы определить контуры нового мира. Основным элементом этой системы стала организация Объединённых Наций, основное назначение которой – поддержание стабильности, мира и диалога между странами. В настоящий момент происходит так называемое эрозия норм международного права: США пытаются отстаивать тезис о том, что необходимо подменить неэффективное ООН эффективным НАТО. США дважды игнорировали резолюцию Совета Безопасности ООН.

Касательно современных международных отношений можно говорить о следующей тенденции – стремление независимых игроков играть ведущую роль в формировании мировой политической системы. Сейчас к независимости от политики США стремятся многие страны: Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Куба, ЕС(27 государств) [Барановский В.Г., 2007, с. 72].

Страны стремятся проводить независимую от Запада политику. У этих стран есть своя стратегия. Россия стремится к независимости от гегемонии США. Россия разработала внешнеполитическую доктрину, которая впервые была опубликована 7 июля 2008г, не за долго до начала боевых действий на Кавказе.

Такие обстоятельства давали основание говорить о постепенном формировании новой версии глобального мирового порядка – системы международных отношений, которая не опиралась ни на две большие силы, что являлось краеугольным принципом периода холодной войны, ни на доминирование одной державы, как ключевой тенденции в переходный период. На этом фоне наблюдалось усиление нескольких акторов

международных отношений, стремившихся стать новыми центрами геополитического притяжения. Ими являлись государства, вступившие в постбиполярную эпоху экономически окрепшими, демографически усилившимися, стремившимися вносить более существенный вклад в поддержание баланса сил на региональном и глобальном уровнях. Одной из таких держав была Германия, потенциал которой благодаря объединению значительно увеличился.

Выдвинувшаяся тогда на первый план международной политики проблема объединения Германии была неожиданной как для советских руководителей, так и для лидеров других великих держав.

При этом связи между СССР и ФРГ в начальный период перестройки оставляли желать лучшего. Правда, в период паузы в отношениях с американской администрацией Дж. Буша в июне 1989 г. М.С.Горбачев предпринял попытку превратить Бонн в привилегированного партнера Москвы.

В совместном заявлении, подписанном по итогам этого визита, определялись «контуры новой Европы» и роль обеих стран в ее «строительстве»; в частности, предусматривалось многоплановое сотрудничество двух государств на основе доверия, равноправия и взаимной выгоды.

Решение германской проблемы было осложнено социально-политическим кризисом в ГДР. Приехав в начале октября 1989 г. в Берлин на празднование 40-летия Германской Демократической Республики, Горбачев в одном из своих выступлений заметил: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь».

Намек был слишком прозрачен: руководство ГДР явно не справлялось с экономическими трудностями в отсутствие реальных политических свобод — одним словом, проигрывало «соревнование» с ФРГ.

Советское руководство оказалось в сложном положении. Финансово-экономическая ситуация СССР ухудшалась. Нужны были иностранные

кредиты; не в последнюю очередь их ожидали от германских банков.

В то же время население ГДР все более энергично добивалось реализации объединения Германии.

Москва отстаивала представление о том, что синхронизация объединения Германии с развитием общеевропейского процесса предполагала изменение подходов к проблемам безопасности, изменение характера отношений между ОВД и НАТО.

В сложившейся ситуации высшее партийно-государственное руководство СССР избрало курс на достижение соглашения ценой отказа от сформулированных советских позиций. Окончательные договоренности были достигнуты во время визита делегации ФРГ во главе с канцлером Г. Коелем в СССР в июле 1990 года.

15 июля в Москве Горбачев и Коль обменялись конфиденциальными письменными замечаниями по проекту «Большого договора» между СССР и Германией. За неделю советская сторона подготовила свой проект договора.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (договор «два плюс четыре») был подписан 12 сентября 1990 года в Москве. Он определил, что объединенная Германия включает в себя территории ФРГ, ГДР и Западного Берлина. Тем самым были установлены окончательные границы Германии, отказавшейся от каких-либо территориальных претензий. Объединенная Германия обрела полный суверенитет. За ней признавалось право принадлежать к военным союзам со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Тем самым объединенная Германия фактически становилась членом НАТО. При этом в отличие от других стран - членов НАТО все вооруженные силы Германии входили в интегрированные структуры военной организации блока.

3 октября 1990 года объединение Германии было завершено - немецкая нация вновь стала единой. Германский вопрос был «закрит».

9 ноября того же года президент СССР М.С. Горбачев и канцлер Г. Коль подписали в Бонне Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве

между двумя государствами.

Объединение Германии стало важным аспектом завершения холодной войны. В ходе этого процесса в полной мере проявились установки нового внешнеполитического курса Горбачева: отход от тотального противостояния Востока с Западом; неприменение военных методов для решения социально-политических проблем; поиск компромиссных решений и баланса интересов. К сожалению, процесс реализации этих установок был недостаточно продуман, конкретные акции зачастую носили импровизированный характер, допускались отдельные ошибки и просчеты. М.С. Горбачев внес большой вклад в завершение холодной войны, но не сумел (или не успел) заложить основы нового миропорядка.

1.2 Место ФРГ в международных отношениях в постбиполярном мире

В годы холодной войны «старая ФРГ» не обладала реальным суверенитетом. С одной стороны, Федеративная Республика являлась «локомотивом интеграции» в рамках ЕЭС и, обладая развитой промышленной базой, имела с 1970-х годов разветвленные торгово-экономические связи с большинством государств мира, в том числе в Азии, Африке и Латинской Америке. С другой - в военно-политической области Федеративная Республика играла подчиненную по отношению к западным державам (США, Великобритания, Франция) роль. В связи с этим подход официального Бонна к использованию своих вооруженных сил имел две характерные особенности.

Во-первых, процесс их воссоздания проходил под контролем партнеров ФРГ по НАТО. Свыше 80% военнослужащих бундесвера были

интегрированы в Североатлантический альянс [Оганесян, 2014], т.е. подчинены его военным и военно-политическим органам управления. Данный показатель продолжил оставаться на очень высоком (несопоставимом с Францией или Великобританией) уровне и в постбиполярную эпоху, что подчеркивал российский исследователь-германист А.М. Кокеев [Кокеев, 2009, с. 23-26]. Это положение определяло возможность применения бундесвера преимущественно под эгидой НАТО или иных военно-политических механизмов коллективного Запада, основным из которых стал к середине 2000-х годов институт Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ ЕС).

Во-вторых, учитывая расположение страны «на передовой» НАТО в период холодной войны, усилия вооруженных сил Федеративной Республики были сосредоточены исключительно на обеспечении территориальной обороны страны и ее партнеров по блоку. Соответственно, впервые за многие века своей истории Германия («Боннская республика») отказалась на длительный исторический срок от использования военной силы на мировой арене, а соответствующий запрет был зафиксирован в Основном законе ФРГ (1949). Это положение трактовалось большинством немецких политологов и отечественных германистов в качестве «ненормальности» внешней политики Федеративной Республики [Павлов, 2005, с. 63-65].

Обретение реального суверенитета и превращение в один из центров влияния в складывающейся архитектуре многополярного мира было бы невозможно для «новой ФРГ» без демонстрации возможности использовать бундесвер при решении международных проблем различного характера. В этой связи задача настоящей статьи - изучить подход Федеративной Республики к применению своего военного потенциала в постбиполярном мире.

12 сентября 1990 г. по итогам переговорного процесса по «германскому вопросу» ФРГ и ГДР и четырьмя державами - победительницами во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания, Франция) был подписан

договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Объединенная Федеративная Республика принимала на себя добровольные обязательства по значительному сокращению своих вооруженных сил (до уровня не выше 370 тыс. военнослужащих) и отказу от производства ядерного, биологического, бактериологического и химического видов оружия. Вместе с тем «новая ФРГ» признавалась в качестве полноправного члена международного сообщества, способного проводить суверенную внешнюю политику [Договор.., 1990, с. 34-37]. Это открывало возможность для использования вооруженных сил страны на мировой арене (в соответствии с нормами международного права), которая практически сразу стала реализовываться.

Уже в апреле 1991 г. правительство Г. Коля / Г.-Д. Геншера (блок ХДС / ХСС и СвДП) выделило оперативную военно-морскую группу для осуществления миротворческой деятельности в зоне Персидского залива после окончания второй иракской войны (1991) [Павлов, 2005]. В 1992-1993 гг. военнослужащие бундесвера привлекались для оказания медицинской и гуманитарной помощи, а также деятельности по поддержанию мира в Камбодже, на территории распадавшейся Югославии и в Сомали. В последнем случае действия «черно-желтого» кабинета были одобрены Бундестагом [Проскурин, 2000, с. 52-53, 58]. Хотя во всех рассмотренных случаях бундесвер выполнял лишь небоевые по своему характеру задачи, федеральное правительство своими прецедентными решениями поставило в практической плоскости вопрос пересмотра статей Основного закона ФРГ о запрете использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО.

Уже в январе 1993 г. кабинет Г. Коля / К. Кинкеля разработал соответствующий законопроект. После длительного предварительного обсуждения по нему удалось достичь положительного консенсуса трех ветвей власти. 12 июля 1994 г. Федеральный конституционный суд Германии одобрил внесение поправок в Основной закон страны. В его решении отмечалось, что «с целью обеспечения мира ФРГ должна включиться в

коллективную систему безопасности» [Кокеев, 2015] и, действуя в рамках ООН и НАТО, может использовать свои вооруженные силы не только в Европе, но в остальных регионах мира. В каждом конкретном случае планируемого применения бундесвера федеральное правительство должно было запросить разрешение Бундестага. Парламент определял задачи, сроки и максимальное число военнослужащих, действующих за пределами Германии под эгидой международных структур в области безопасности. 22 июля 1994 г. депутаты Бундестага подавляющим большинством голосов (86,7% присутствовавших на заседании) одобрили расширение возможностей по использованию германских вооруженных сил [Классен, 2014]. Тем самым на национальном уровне руководство Германии продемонстрировало стремление вернуть возможность использования вооруженных сил как инструмента внешней политики на глобальном уровне.

Перед правящей коалицией Г. Коля / К. Кинкеля, сохранившейся у власти после выборов 1994 г., встала задача на практике продемонстрировать обретенную юридическую возможность эффективного и легитимного использования вооруженных сил на мировой арене. В 1994 г. бундесвер был задействован под эгидой ООН в деятельности по поддержанию мира и оказанию гуманитарной помощи мирному населению в зоне межплеменного вооруженного конфликта в Руанде. И хотя масштаб германского участия был небольшим (30 солдат и офицеров) [Клепацкий, 2000, с. 53], показателен сам факт применения вооруженных сил ФРГ в южной части Африки.

С начала 1990-х годов официальный Бонн оказывал заметное влияние на ход вооруженных конфликтов на территории распадавшейся Югославии, изначально предпочитая использовать дипломатические и экономические возможности. В 1992-1995 гг. в Боснии разрастался вооруженный конфликт между сербскими ополченцами и военизированными формированиями местных мусульман и хорватов. 28 августа 1995 г. государства - члены НАТО, в том числе Германия, заявили о готовности оказать силовое давление на официальный Белград и его сторонников в Боснии с целью принуждения их к

перемирию. Уже 30 августа 1995 г. была начата военно-воздушная операция «Обдуманная сила» (Deliberate Force), в которой приняли участие германские ВВС. Согласие Бундестага было получено еще 30 июня 1995 г. (60,6% парламентариев высказались «за») [Зарецкий, 2014], что свидетельствовало о предварительной и тщательной проработке законодательной и исполнительной ветвями власти вопроса о первом боевом использовании германских вооруженных сил после окончания Второй мировой войны. ФРГ, равно как и ее партнеры по НАТО, рассматривали авиаудары в качестве ключевого фактора, способствовавшего вскоре проявленной официальным Белградом готовности к переговорам. После выработки положений Дейтонского соглашения и его подписания 14 декабря 1995 г. на территории Боснии и Герцеговины (БиГ) в составе сил НАТО по поддержанию мира IFOR (Implementation Force; с 1996 г. - SFOR, Stabilization Force) был размещен трехтысячный германский контингент, ответственный за поддержание мира в зоне прекращенного вооруженного конфликта [Истягин, 2009]. В 2004 г. управление военным присутствием стран Запада в БиГ перешло от НАТО к ЕС, развернувшему операцию «Althea». В ее проведении продолжили принимать активное участие и военнослужащие ФРГ. Помимо выполнения задач по поддержанию мира и правопорядка они также активно участвовали в восстановлении разрушенной социально-экономической инфраструктуры [Григорьев, 2016].

В конце 1990-х годов пристальное внимание коллективного Запада было сосредоточено на развитии вооруженного конфликта между отрядами албанцев и югославскими войсками в Косово. 8 и 13 октября 1999 г. страны - участницы НАТО заявили о своей готовности осуществить силовое вмешательство с целью принуждения официального Белграда к прекращению огня. Германские парламентарии 16 октября 1999 г. подавляющим большинством голосов (86%) одобрили боевое использование бундесвера под эгидой НАТО без резолюции Совета Безопасности ООН, проект которой был заблокирован РФ. Несмотря на фактическое нарушение норм

международного права, в поддержку применения вооруженных сил ФРГ как члена альянса выступили представители как ушедшей в отставку после поражения на выборах 1998 г. «черно-желтой» коалиции, так и лидеры одержавших победу СДПГ (Г. Шрёдер) и Союза 90 / «Зелены» (Й. Фишер) [Гранин, 2012]. Вновь созданное «красно-зеленое» правительство продолжило последовательный курс на силовое давление на официальный Белград. В условиях отказа югославского руководства от подписания соглашения Рамбуйе, подготовленного при ведущем участии держав НАТО, ФРГ и ее партнеры по альянсу в ночь с 24 на 25 марта 1999 г. начали военно-воздушную операцию. Вопреки ожиданиям правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера операция затянулась, и продолжение бомбардировок было чревато нарастанием критики действий властей ФРГ внутри страны. Лишь при посредничестве РФ удалось достичь политического решения в виде принятой 11 июня 1999 г. резолюции Совета Безопасности № 1244. Уже на следующий день в Косово были введены международные силы KFOR (Kosovo Force), в том числе 8,5-тысячный контингент бундесвера [Гранин, 2012], выполняющий функции по поддержанию мира в зоне замороженного конфликта вплоть до настоящего момента.

Факт боевого использования Германией своей мощи без санкции ООН и лишь на основе решения НАТО, т.е. весьма ограниченного числа членов международного сообщества, продемонстрировал окончательное возвращение внешней политики ФРГ в «нормальное» состояние. Показав способность к использованию рычагов «жесткой силы», Федеративная Республика продемонстрировала свое стремление стать «полноценной» глобально оперирующей державой. В этой связи возникает вопрос: почему именно на территории бывшей Югославии Германия впервые пошла (причем дважды) на демонстративное применение своего военного потенциала? Первая причина является геополитической. Балканы исторически (как минимум с последней трети XIX в.) были одним из приоритетных регионов для распространения германского влияния. ФРГ, используя широкий спектр

инструментов, поддерживала образование новых, возникавших на территории бывшей Югославии государств, а в дальнейшем стремилась обеспечить их максимально тесное сближение с Евро-Атлантическим сообществом и дальнейшее вступление в ЕС и НАТО. Вторая причина носит конъюнктурный характер. На Балканах Германия осуществляла силовое вмешательство в ход вооруженных конфликтов и в последующем принимала участие в деятельности по поддержанию мира под эгидой НАТО, т.е. в теснейшем взаимодействии со своими партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В середине - второй половине 1990-х годов у внешних по отношению к коллективному Западу акторов отсутствовали реальные возможности (исключая апокалипсический сценарий применения ядерного оружия) по предупреждению его намерений. РФ была политически и экономически ослаблена, а о каком-либо серьезном влиянии Китая или Индии на процессы в Юго-Восточной Европе речь в тот момент вообще не шла. В этой ситуации Германия, позиционируя себя в качестве государства - члена коллективного Запада, использовала возможность для постепенного утверждения себя в качестве глобально оперирующей державы. Заметно возросло влияние Федеративной Республики в НАТО, в том числе в отношении других держав альянса. Именно благодаря активному использованию собственного военного потенциала на Балканах во второй половине 1990-х годов (для решения как боевых, так и небоевых задач) Германия стала одним из центров притяжения в НАТО, чьи позиции заметно укрепились благодаря дальнейшему курсу правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера.

События 11 сентября 2001 г. на территории США привели к образованию международной антитеррористической коалиции с ведущим участием государств Запада. «Красно-зеленый» кабинет практически немедленно заявил о своей готовности участвовать в ней. Бундесвер был задействован в трех направлениях деятельности проведенных коалицией: «Enduring Freedom» (OEF, операция «Несокрушимая свобода»), «Active

Endeavour» (ОАЕ, операция «Активные усилия») и деятельности миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ (ISAF)).

В рамках операции ОЕФ боевые единицы ВМФ ФРГ, тесно взаимодействуя с кораблями стран - партнеров по НАТО, обеспечивали охрану гражданских судов от возможных атак со стороны структур международного терроризма (в первую очередь, «Аль-Каиды») в акваториях Красного моря, Оманского и Аденского заливов, прибрежных водах Сомали [The Bundeswehr..., 2009, p. 76]. Кроме того, во второй половине 2000-х годов подразделения германских сил специального назначения использовались в боях с боевиками «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане. В первой половине 2000-х годов в рамках операции ОАЕ надводные и подводные корабли германских ВМС привлекались к мониторингу и возможному предотвращению террористической угрозы в Средиземном море и прилежащих акваториях (особенно в период подготовки и проведения Олимпийских игр в Афинах (2004)) [Белов, 2010].

Наиболее масштабным стало использование бундесвера на территории Афганистана. Численность военнослужащих ФРГ в 2002-2011 гг. поэтапно возросла с 1,2 тыс. [Белов, 2010] до 5 тыс. [Белов, 2010]. Германский контингент был третьим по количеству войск среди стран - участниц МССБ (после США и Великобритании). Это сопровождалось, во-первых, расширением географии применения германских солдат и офицеров: помимо района Кабула уже с 2002-2003 гг. военнослужащие ФРГ играли ключевую роль в поддержании мира на территории северовосточных афганских провинций Бадахшан и Кундуз. Во-вторых, помимо мониторинга ситуации, охраны жизненно важных объектов и нейтрализации отдельных боевиков и их мелких групп бундесвер привлекался к восстановлению социально-экономической инфраструктуры и подготовке национальных сил безопасности (подразделения и части армии и полиции). Кроме того, сотрудники Министерства обороны ФРГ участвовали в межведомственных командах реконструкции провинций [Белов, 2010], однако их деятельность не

привела к полному достижению поставленных целей.

Чем было обусловлено столь активное участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом? С нашей точки зрения, прежде всего это объяснялось стремлением Германии «дореализовать» линию на утверждение себя в статусе глобально оперирующей державы. Если в 1990-е годы значительное по масштабу применение бундесвера было только на территории распадавшейся Югославии, то в 2000-е годы на фоне сохранения военного присутствия на Балканах ФРГ стала использовать бундесвер в широком географическом диапазоне от Средиземного моря и Африканского Рога до Афганистана. При этом необходимо обратить внимание, что рассматриваемое задействование бундесвера не только осуществлялось в строгом соответствии с нормами международного права (в первую очередь, на основании резолюций Совета Безопасности ООН № 1368, 1373, 1386), но и встречало официальную поддержку широкого круга акторов за пределами коллективного Запада, включая РФ. Фактически в контексте борьбы с международным терроризмом Германия как глобально оперирующая держава заявила о своих интересах в Афганистане и Северо-Восточной Африке и продемонстрировала готовность отстаивать их посредством широкого набора инструментов, в том числе военных.

Активно используя бундесвер под эгидой международной антитеррористической коалиции на протяжении всего периода ее деятельности (2001-2014), одновременно правительство ФРГ последовательно выступало против «глобализации» военной деятельности НАТО. В 2002-2003 гг. администрация Дж. Буша-мл. стала настаивать на превращении альянса из организации с задачами в основном регионального масштаба в структуру, обеспечивающую выполнение целей преимущественно глобального характера. Очевидно, одним из факторов, повлиявших на формирование данного подхода, стала атлантическая солидарность, проявленная ФРГ и другими партнерами США по НАТО, после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. Однако она не означала

безальтернативной готовности Германии следовать в военной сфере в фарватере Соединенных Штатов, как это было в годы холодной войны.

Первым показателем расхождений в вопросе определения границ применения силы под эгидой НАТО стала критика «красно-зеленым» кабинетом проекта создания СБР - сил быстрого реагирования альянса (NATO Response Forces (NRF)), которые рассматривались руководством США в качестве инструмента превентивных силовых действий на глобальном уровне. После острой полемики внутри НАТО «красно-зеленый» кабинет в итоге согласился на использование частей и соединений бундесвера в составе СБР [Арзаманова, 2011]. Однако вплоть до настоящего момента СБР НАТО не применялись в качестве военного превентивного механизма глобального характера, чему в немалой степени способствовала линия Германии на сохранение Североатлантического альянса в качестве организации с целями регионального характера в области международной безопасности.

Еще более углубились противоречия между ФРГ и США во время подготовки администрацией Дж. Буша-мл. военного вторжения в Ирак, когда в качестве псевдопредлога было названо наличие оружия массового поражения у режима Саддама Хусейна. «Красно-зеленый» кабинет не только отверг возможность использования бундесвера в военной кампании, но (совместно с Францией и рядом средних западноевропейских государств) выступил против использования механизма НАТО для ее проведения. Более того, правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера в рамках «тройки» РФ-ФРГ-Франция стремилось урегулировать возникший военно-политический кризис, используя для этого возможности ООН и МАГАТЭ - глобальных, а не евро-атлантических структур в области международной безопасности. Показательно, что после начала США и их партнерами по «коалиции желающих» силовой операции (20 марта 2003 г.) правительство ФРГ не отказалось от проводимой линии, тем самым снимая с себя ответственность за последующую дестабилизацию в Ираке.

С 2003 г. помимо использования под эгидой НАТО и ООН бундесвер

стал применяться вне зоны ответственности альянса в рамках деятельности механизма ОВПБ ЕС (преимущественно в зонах замороженных конфликтов и конфликтов низкой интенсивности). С этого момента он стал рассматриваться руководством ФРГ в качестве дополняющей Организацию Североатлантического альянса структуры международной безопасности. Данная диверсификация объективно способствовала укреплению позиций Германии как вновь возникающего центра притяжения на мировой арене.

Развитием линии правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера стало выдвижение в докладе федерального канцлера от 12 февраля 2005 г. на 41-й Мюнхенской конференции проекта по реформированию НАТО. Документ предполагал перефокусирование альянса с решения преимущественно военных на политические вопросы. В докладе Г. Шрёдера подчеркивалась необходимость увеличения самостоятельности института ОВПБ ЕС в отношении НАТО и параллельного укрепления в нем позиций европейских стран- участниц. Этому, как справедливо полагал канцлер, должно было способствовать сокращение (в перспективе - полное свертывание) американского военного присутствия в Европе, в первую очередь на территории ФРГ [Арин, 2002]. И хотя положения доклада не были в значительной степени реализованы, они способствовали постепенному превращению Германии во второй, параллельный США центр притяжения в Североатлантическом альянсе. Двумя отличительными чертами политики ФРГ в качестве такого центра было ориентирование альянса на решение задач регионального характера и сдержанный подход к применению силы вне зоны ответственности НАТО.

С нашей точки зрения, в «эру Шрёдера» «де-факто» выкристаллизовался германский подход к использованию бундесвера. С одной стороны, это отмеченный взвешенный подход к собственно силовому применению вооруженных сил страны за пределами европейского континента. Частным исключением являлась борьба с международным терроризмом как транснациональной угрозой, однако и в этом случае

масштаб прямого вовлечения бундесвера непосредственно в боевые действия был незначительным. С другой стороны, руководство ФРГ последовательно расширяло географический диапазон и масштаб вовлечения бундесвера в два теснейшим образом связанных процесса: деятельность по поддержанию мира и помощь в воссоздании института государства (в том числе посредством восстановления социально-экономической инфраструктуры). Этот подход позволял Федеративной Республике не только сохранять, но и укреплять позиции как глобально оперирующей державы, при этом позволяя избежать значительных внутри- и внешнеполитических издержек, связанных с прямым применением военной силы на мировой арене.

В 2005 г. по итогам досрочных парламентских выборов ведущей партией в Бундестаге стал блок ХДС/ХСС. Его представители во главе с А. Меркель составляли большинство в двух правительствах «большой коалиции» (2005-2009; 2013 - н.в.) и «черно-желтом» кабинете (2009-2013). Однако, несмотря на изменение партийно-политического ландшафта в ФРГ, избранная линия официального Берлина в вопросе применения силы осталась неизменной.

Во второй половине 2000-х - начале 2010-х годов Германия продолжала сохранять значительное военное присутствие в зонах замороженных вооруженных конфликтов на территории Боснии и Косово, пошла на временное наращивание масштабов использования бундесвера для решения «афганской проблемы» [Басов, 2014]. После вывода основных сил МССБ (к концу 2014 г.) ФРГ, как и США, сохранила в Афганистане на период 2015-2016 гг. часть подразделений и группы военных инструкторов и советников, предельная численность которых была установлена Бундестагом в 980 военнослужащих [Васильев, 2015] (что составляло 10% от количества сохранных администрацией Б. Обамы войск в этом регионе). Достаточно высока вероятность использования Германией бундесвера на афганской территории и после 2016 г. Тем самым Германия демонстрирует свое последовательное стремление сохранить военное присутствие на

долгосрочную перспективу и на Балканах (сочетая использование бундесвера под эгидой механизма ОВПБ ЕС и НАТО), и в Центральной Азии (в рамках деятельности Североатлантического альянса).

В Африке бундесвер активно привлекался к деятельности по поддержанию мира в операциях под руководством ООН и особенно ЕС (с 2003 г.). Масштаб наземного применения германской армии в зонах межплеменных вооруженных конфликтов был небольшим (обычно в пределах 150-200 военнослужащих), однако показательно широкий географический диапазон использования бундесвера (Демократическая Республика Конго, Мали, Судан, Сомали, Эфиопия и Эритрея) [Дискуссия..., 1993] говорит сам за себя. Не располагая к середине 2010-х годов значительными практическими военными возможностями (в том числе достаточным количеством баз бундесвера) в Африке южнее Сахары, ФРГ тем не менее демонстрировала интерес к решению проблем безопасности континента с использованием силовых средств.

Значительно более масштабным являлось использование межвидовой (преимущественно морской) группировки бундесвера в акваториях, прилегающих к Африканскому Рогу. С 2002 г. германские боевые корабли привлекались здесь для борьбы со структурами международного терроризма (операция «Активные усилия»), а с 2008 г. - для противодействия пиратам (кампания EUFOR Atalanta (под эгидой ЕС)), причем предельная численность контингента бундесвера была установлена в 1,4 тыс. солдат и офицеров [Классен, 2014]. Столь значительный интерес к использованию военных инструментов в данном регионе был обусловлен его геополитической и геоэкономической значимостью: через Красное море и Аденский залив проходят основные транзитные пути, связывающие Европу и Азию. Используя бундесвер в данном регионе, ФРГ стремилась на долгосрочную перспективу сохранить за собой право свободного захода (сопряженного с обслуживанием) боевых кораблей в ряд военно-морских баз региона, в первую очередь в Джибути [Классен, 2014]. Пребыванию войск ФРГ в

регионе на длительной основе способствовали сохранение здесь напряженности, в первую очередь из-за «сомалийской проблемы», и активизации деятельности структур международного терроризма («Исламское государство», «Аш-Шабаб») в Африканском Роге.

К середине 2000-х годов в условиях приближения структур Евро-Атлантического сообщества (ЕС, НАТО) к постсоветскому пространству актуализировался вопрос вхождения в Североатлантический альянс Грузии и Украины. Нарастив объемы сотрудничества с ними в политической и экономической сферах, ФРГ выступала против присоединения двух данных государств к Вашингтонскому договору. С точки зрения американских исследователей Р. Менона и Ю. Румера, прежде всего этот подход объяснялся опасностью перерастания возможного военного конфликта этих стран с Россией в полномасштабное противостояние России с НАТО с неконтролируемыми последствиями в случае расширения альянса [Клепацкий, 2015]. Понимание данного обстоятельства лежало в основе подхода официального Берлина к вопросу об использовании бундесвера в ходе «августовской войны» 2008 г. и украинских событий 2014-2015 гг. Во время Бухарестского саммита НАТО (2008) А. Меркель, поддержанная французским руководством, открыто выступила против распространения альянса на Украину и Грузию [Кокеев, 2009, с. 23-27]. Непосредственно в период развязывания официальным Тбилиси агрессии против Южной Осетии и российской операции по принуждению Грузии к миру германская сторона (в первую очередь МИД ФРГ во главе с Ф.-В. Штайнмайером) прилагала самые активные усилия к быстрой разрядке напряженности. Совместно с Францией правительство «большой коалиции» сыграло от лица коллективного Запада основную роль в выработке «плана Медведева-Саркози». Показательно, что боевые корабли ФРГ в составе оперативной военно-морской группы НАТО появились в Черном море лишь 21 августа 2008 г., т.е. уже после окончания боевых действий [Краткая хронология..., 2008]. Продемонстрировав атлантическую солидарность, официальный

Берлин стремился свести к минимуму возможность эскалации в зоне прекращенного конфликта.

В 2000-е - начале 2010-х годов Германия, с одной стороны, продолжала увеличивать масштаб и региональный диапазон операций по поддержанию мира с участием бундесвера, приняв также участие в двух антитеррористических коалициях (образованы в 2001 и 2014 гг.). С другой стороны, - с начала XXI в. правительство ФРГ, вне зависимости от его партийного состава, последовательно проводило курс на отказ от силового использования бундесвера за пределами Европы. Первая причина этого состояла в том, что на Ближнем Востоке, в Северной и Центральной Африке геополитические интересы ФРГ были менее четко выражены, а позиции слабее, чем в Европе. В этой связи Германия стремилась избежать использования своего военного потенциала по прямому «классическому» назначению, снимая с себя ответственность за будущую возможную дестабилизацию ситуации, в том числе - в представлении региональных игроков. На постсоветском пространстве - одном из приоритетных географических направлений во внешней политике ФРГ - отказ от применения силы обуславливался стремлением не допустить прямой военной конфронтации с РФ с непредсказуемыми последствиями.

Отказываясь от неограниченного и часто осуществляемого в нарушение норм международного права применения военной силы за пределами Европы, ФРГ де-факто утверждалась в качестве нового, параллельного США, центра притяжения как в НАТО, так и в Евро-Атлантическом сообществе в целом. В этом мы видим вторую причину курса Федеративной Республики, направленного на стратегическую сдержанность.

Проведенный анализ подхода ФРГ к применению своего военного потенциала на мировой арене показывает, что в 1990-е годы («эра Коля») Германия посредством тесного сотрудничества с США стремилась обрести статус глобально оперирующей державы. В первой половине 2000-х годов («эра Шрёдера») Федеративная Республика уверенно утверждалась в этом

качестве, при этом дистанцируясь в военно-политической сфере от официального Вашингтона, а с середины 2000-х годов («эра Меркель») уже твердо позиционировала себя в качестве одного из новых центров влияния в мире.

Объявив себя наследницей внешнеполитического курса «Боннской республики» ФРГ, по сути, к концу 90-х годов полностью трансформировало ее доктринальные положения, что позволило ряду аналитиков, как в самой Германии, так и за ее пределами говорить о феномене Берлинской республики [Кокеев, 2015, с. 68]. В данном случае политика министерства иностранных дел объединенной Германии противопоставляется политике своей предшественницы периода блокового противостояния Боннской республики. Правда, использование этих терминов иногда критикуется в связи с боязнью возникновения противостояния Берлина и Бона в сфере преемственности идеалов мира и демократии. Как отмечает российский аналитик С. Погорельская «даже эти апологеты «механического» расширения старой ФРГ на Восток не могут отрицать тех качественных изменений во внутренней и внешней политике, которые явились следствием объединения двух немецких государств» [Кокеев, 2015]. Сам термин впервые использовал в своем правительственном заявлении Г. Шредер, чтобы обозначить новую эпоху в соотношении политических сил. Немецкий политолог К. Зонтхаймер считает, что главное отличие Берлинской республики от Боннской состоит в масштабе тех задач, которые необходимо решать в условиях нового места и роли объединённой Германии в современной системе международных отношений [Королев, 2004, с. 337].

Денационализация, коснувшаяся всех сфер общественно-политической жизни послевоенной Германии, привела к определенной ущербности ее внешней политики. Так из доктринальных положений последней были исключены понятия «национальных интересов» и сфер влияния. Основным базисом, которым руководствовались политические элиты Боннской республики была политика Искупления. Следует добавить, что к «грехам»

третьего рейха добавилось удручающее наследие еще одной диктатуры - правление СЕПГ в ГДР. Последнее породило в обществе дискуссию о «нормальности» немецкой нации. Как метко подметил Й. Фишер, если нация дискутирует о своей нормальности, значит, она не нормальна [Лисичкин, 2001 с. 176]. Преодоление немцами комплекса вины вылилось в необходимость пересмотра внешнеполитической доктрины. В результате вновь были сформированы и переосмыслены «национальные интересы», а также главной задачей внешней политики провозглашалась «возросшая ответственность» Германии за поддержание стабильности в мире, и в первую очередь в Европе. Осознав себя ключевым игроком ЕС и полноценным членом ООН и НАТО, Германия стремится, оставив в прошлом наследие германского империализма, занять подобающее ей место на международной арене. В одном из программных заявлений Г. Шредер заявил: «Германия является «нормальным государством», которое не стремится к превосходству, но и не считает нужным кому-либо подчиняться» [Максимычев, 2004, с. 117].

Интересно, что еще в 94-м году Х. Коль предпринял попытку легализации использования национального миротворческого контингента за пределами страны. Социал-демократы подали иск в конституционный суд страны по поводу несоответствия такого решения основному закону страны. Тогда Х. Колю удалось добиться решения, согласно которому был создан миротворческий контингент быстрого реагирования в составе 54 тысяч человек, который мог быть использован в рамках миротворческой операции НАТО или ЕС, но только при условии мандата ООН. Настроения немецкого общества в конце 90-х годов изменились - немцы считали, что искупили вину за преступления нацистского режима и должны занять на международной арене место, соответствующее их экономической мощи как стране-локомотиву ЕС. Г. Шредер и его команда прекрасно осознавали это, идя на выборы 1998 года. Во многом победа левоцентристов объяснялась гибкостью их внешнеполитических установок. Тем не менее, решение об участии

бундесвера в миротворческой операции на Балканах привело к серьезному кризису внутри правящей коалиции и самой СДПГ. Так лидер партии О. Лафонтен осудил политику канцлера и его кабинета, покинув пост министра социальной политики. Несмотря на это, решение об отправке контингента в Югославию и участие в бомбардировках Сербии в бундестаге практически не обсуждалось.

Следует отметить, что непосредственное участие немцев в несанкционированных Совбезом ООН бомбардировках авиацией НАТО Белграда было невелико. Тем не менее, политическое руководство Германии извлекло уроки из Югославского кризиса и пришло к выводу, что модель разрешения Косовского конфликта не может быть использована для разрешения подобных кризисов.

В конце 90-х новый министр иностранных дел лидер зеленых Й. Фишер формулирует тезис, озвученный ранее Г. Геншером, о необходимости комплексного реформирования ООН, который подразумевал и предоставление Германии постоянного членства в Совбезе. Последняя занимает третье место среди стран-доноров ООН после США и Японии. Для Германии ООН - это одна из важнейших площадок для усиления ее политического влияния. Также ФРГ последовательно добивается пересмотра ряда положений устава ООН, в которых содержатся тезисы о «бывших вражеских государствах» [Нарочницкая, 2010, с. 68].

В наследство от Боннской республики новой ФРГ достался и главный стратегический партнер в сфере безопасности - Соединенные Штаты. Отношения с которыми несколько ухудшились в период правления «красно-зеленой коалиции». Вообще, для внешнеполитической платформы немецких социал-демократов характерен определенный антиамериканизм, что прослеживается как в период нахождения при власти непосредственно СДПГ, так и опосредованно во время функционирования коалиционного правительства, где социал-демократы выступают в качестве младшего партнера, но выдвигают своего представителя на пост министра иностранных

дел. Еще в 1999 году между ФРГ и США возникли противоречия вокруг принятия новой доктрины НАТО. Правительство Г. Шредера отказалось поддержать антитеррористическую операцию США в Афганистане и Ираке. Напряженность в двусторонних отношениях достигла такого накала, что в 2002 году речь зашла о передислокации американских военных баз, расположенных на территории Германии, в Польшу [Павлов, 2005, с. 208]. Отношения с Соединенными штатами продолжали играть одну из ключевых ролей в формировании внешнеполитических ориентиров «Берлинской республики», но в отличие от периода Холодной войны, немцы перестали видеть в американцах главного гаранта безопасности в случае активной фазы блокового противостояния. Миновав период «мига од-полярности», немцы стали готовы взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в Европе. В этом контексте американцы воспринимаются последними не только как союзники, но и как конкуренты. Американский исследователь И. Валлерстайн считает, что Германия в тандеме с Францией в этот период начали активно «заигрывать» с Россией, чтобы противопоставить американскому влиянию ось Берлин-Париж-Москва. Тем не менее, как в конце 90-х, так и сегодня правящие круги ФРГ рассматривают фактор влияния Соединенных штатов в качестве неотъемлемого атрибута архитектуры европейской безопасности. На территории ФРГ сегодня размещена самая крупная по численности группировка вооруженных сил США в Европе - 72 тыс. человек.

Европейский вектор остается приоритетным в формировании внешней политики Германии. ФРГ, будучи экономическим локомотивом ЕС, стремится стать и политическим. Инструментариям для этого должна стать и CFSP - Общая внешняя политика и политика безопасности. Германия последовательно выступала за расширения полномочий еврокомиссии в этой сфере. Что нашло свое отражение в позиции федерального правительства в ходе переговоров о подписании Маастрихтского и Амстердамского договоров. В рамках этой политики Германия активно участвует в операциях,

направленных на борьбу с терроризмом, контрабандой, пиратством, организованной преступностью. Ради укрепления экономической интеграции в ЕС, Германия поступилась сильной национальной валютой, поддержав в 2002 году введение евро. Также немцы остаются главным донором европейского бюджета, финансируя четверть его расходов.

Условно очерчивая сферу влияния Германии, можно включить в нее так называемые новые члены ЕС. Несмотря на негативный исторический опыт в отношениях с рядом стран Восточной Европы, в частности с Польшей и Чехией, немцы стремятся занять позиции регионального лидера. Особенно важным шагом для этого стала нормализация отношений с Польшей, произошедшая в середине 90-х годов. Признание Германией границ Польши по Одеру-Нейсу сделало возможным тесное экономическое и политическое сотрудничество двух стран. «Объем торговли между Германией и Польшей резко возрос (в 1995 г. Польша заменила Россию в качестве самого крупного торгового партнера Германии на Востоке)». [Бжезинский] Германия выступила в роли основного проводника для реализации евроатлантических амбиций Польши. По мнению З. Бжезинского, к середине 90-х годов польско-германское сотрудничество стало приобретать значение для Центральной Европы, сравнимое со значением для Западной Европы произошедшего ранее франко-германского урегулирования.

Здесь же, рассматривая отношения со странами Восточного партнерства, можно отметить значительное усиление роли «мягкой силы» в политике Берлинской республики. Не будучи колониальной империей на протяжении длительного времени, Германия стремится распространить свою культурную интервенцию в первую очередь в странах Восточной Европы и на Балканах по средствам сетей образовательных программ. По мнению З. Бжезинского, в основе внешней политики ФРГ нет больше концепция «Миттель-Европы», после распада Восточного блока немцы стремятся упрочнить свое влияние в регионе инвестируя значительные капиталовложения в экономику стран этого региона. Опираясь, на свой

тандем с Францией немцы могут «не осторожничать» в зоне своих особых интересов.

«На карте Европы зона особых интересов Германии может быть изображена в виде овала, на западе включающего в себя, конечно, Францию, а на востоке охватывающего освобожденные посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы - республики Балтии, Украину и Беларусь, а также частично Россию» [Абдуразаков, 1998, с. 113]. Так называемая Балто-Черноморская дуга, очерчивающая сферу интересов Германии на востоке довольно подвижна, что можно объяснить гибкостью и прагматичностью ее внешней политики. Так ради партнерских отношений с Россией немцы готовы поступиться Украиной и Беларусью. Связи Германии со странами, входившими некогда в состав Германской или Австро-Венгерской империй, и подвергшемся значительному влиянию немецкой культуры, гораздо теснее, поэтому включив Центральную и Восточную Европу в зону своих особых интересов, Германия в глазах собственного общества восстанавливает историческую справедливость.

Главным европейским партнером ФРГ, как и в период Холодной войны, остается Франция. В свое время Елисейский договор между Францией и ФРГ ознаменовал качественно новый этап в истории европейского сотрудничества. Однако Франция выступила одним из противников объединения Германии, знаменитое высказывание Ф. Миттерана о том, что французы так любят немцев, что хотят, чтобы у них было целых две Германии. По мнению З. Бжезинского, объединение Германии стало геополитическим поражением в первую очередь для Франции. «Объединенная Германия не только перестала быть младшим политическим партнером Франции, но и автоматически превратилась в бесспорно важнейшую державу в Западной Европе и даже в некотором отношении в мировую державу, особенно через крупные финансовые вклады в поддержку ключевых международных институтов» [Абдуразаков, 1998, с. 111]. В 90-е годы наметилась очевидная тенденция неформального разделения сфер

влияния между Францией и Германией в Европейском союзе. Так немцы стали главным проводником политики расширения ЕС и НАТО на восток, в то время как французы в противовес стремятся акцентировать внимание на развитие европейского Средиземноморья.

Россия фактически, как и ФРГ, после распада биполярной системы получает новое место в структуре международных отношений. Дезинтеграция СССР позволила Германии занять нишу последнего в восточноевропейском регионе. В то же время немцы благодарны России за вклад советского руководства в процесс объединения Германии. В условиях новой расстановки сил Россия становится важным стратегическим партнером Германии. Последняя, в отличие, от США склонна оставить в сфере влияния РФ страны Восточного партнерства. Безусловно, одним из ключевых факторов двустороннего сотрудничества остается импорт из России углеводородов. Сорок процентов потребляемого Германией газа родом из России. Более того для основной части российского экспорта Германия служит своеобразными «воротами в Европу». Прикрывая экономический прагматизм своей внешней политики, немцы используют свою излюбленную риторику о роли морали в международных отношениях. В немецком обществе бытует мнение о том, что Россия понесла наибольшие потери вследствие немецкой агрессии в период второй мировой войны. Наибольший расцвет российско- немецкая дружба после завершения Холодной войны переживала в период канцлерства Г. Шредера, который в одном из своих публичных выступлений отметил, что относит отношения с Россией к приоритетным для Германии, что «без России не может быть общеевропейской стабильности» [Бажанов, 2004]. В этот период было принято решение о строительстве обходного газопровода Нордстрим, что вызвало неоднозначную реакцию внутри немецкого общества. Более того сам Г. Шредер получил прозвище «адвоката Кремля», которое впоследствии закрепилось в Европе и за самой Германией.

Делая выводы, можно отметить, что после завершения Холодной войны

и трансформации биполярной системы Германия заняла новое место на международной арене, что не могло не отразиться на изменении ее внешнеполитического курса. Объявив о преемственности дипломатических традиций периода Боннской республики, объединенная Германия сохранила ряд констант в своей внешней политике. Среди них можно назвать курс на усиление европейской интеграции в тандеме со своим региональным союзником номер один Францией, стратегическое партнерство с США в сфере безопасности, последовательное продвижение идей демократии и защиты прав человека в программных документах в сфере внешней политики и обороны. Принципиально новым фактором во внешней политике ФРГ после падения Берлинской стены стало использование бундесвера за пределами территории страны. В период второго Югославского кризиса немецкие войска использовались не просто за пределами Германии, но и на территории страны, которая в свое время пострадала от гитлеровской агрессии. Для немецкой внешней политики это событие носило поистине революционный характер, фактически убрав с повестки дня доктрину Искупления, и, поставив Германию в один ряд с ведущими державами Европы, такими как Франция и Великобритания. В виду изменившейся расстановки сил на международной арене немецкое руководство переводит отношения с Россией на качественно новый уровень стратегического сотрудничества, видя в последней противовес влиянию США в Европе. Объединенная Германия возвращает в свой внешнеполитический вокабулярий понятия национальных интересов и сфер влияния, очерчивая свои сферы влияния в Восточной Европе и на Балканах. В связи с этим принципиальным для Германии стало преодоление негативного исторического опыта в отношениях с Польшей и Чехией. В реалиях постбиполярной системы ФРГ смогла выстроить четкую и прагматичную внешнеполитическую доктрину, которая позволяет ей сохранять преемственность в ряде ключевых направлений, одновременно выстраивать принципиально новую жесткую политику сильного игрока, как в Европейском

регионе, так и за его пределами.

Россию и Германию в принципе преследуют одинаковые проблемы, обусловленные их географическим положением. Германия является одним из центральных членов ЕС и, соответственно, проблемы в рамках Евросоюза не могут не затрагивать ее интересы. Россия, как это принято говорить, является «мостом» между Европой и Азией, что создает свои трудности — политическое третирование со стороны Запада и угрозы национальной безопасности со стороны Азии.

Наряду с этим на пространстве ЕС и СНГ присутствует целый спектр проблем не только экономического характера, но и социального, этнорелигиозного и культурного, которые могут привести к усилению дезинтеграционных тенденций непосредственно в рамках национальных границ России и Германии.

Помимо этого к настоящему моменту сформирована двусторонняя нормативно-правовая база, включающая общие соглашения, такие как Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве от 9 ноября 1990 года, Соглашение о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 года, так и соглашения по более узким, но при этом не менее важным, видам сотрудничества, такие как Соглашение о сотрудничестве в научно-технической сфере от 16 июля 2009 года, Соглашение об изучении русского и немецкого языков от 24 июня 1994 г. и другие. Кроме того, созданы специализированные органы, помогающие в реализации целей, заявленных в данных соглашениях. Так, на ежегодной основе действуют, например, российско-германские межправительственные встречи.

Поэтому в отличие от отношений с большинством государств отношения между Россией и Германией охватывают весьма широкий спектр направлений в следующей приоритетности.

В качестве самого важного на настоящий момент направления в рамках российско-германских отношений можно обозначить экономическое взаимодействие, которое служит основанием для других направлений

российско-германского сотрудничества.

Начиная с 2008 года, Россия и Германия стали отводить особую роль сотрудничеству в области модернизации. Было даже подписано рамочное соглашение, охватывающее различные вопросы в энергетической, сырьевой, социальной, научной и правовой сферах. Это направление уже начало приносить свои плоды. Так, например, Компания «Siemens» и Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ) подписали рамочное соглашение о сотрудничестве в области исследований и разработок, кроме того, регулярно проводятся бизнес-форумы и конференции, посвященные проблемам модернизации.

Именно в области науки и инноваций начинают формироваться новые каналы российско-германского взаимодействия, и именно здесь развивается прежняя роль и складывается новое значение России во внешней политике Германии, а также проявляются новые возможности для России, которые могут реализоваться в сотрудничестве с Германией.

В этой связи следует обозначить следующее важное направление сотрудничества в рамках российско-германских отношений, занимающее, соответственно, третье место в списке приоритетов — культурно-гуманитарное сотрудничество.

На первый взгляд культура и инновации слабо коррелируются друг с другом, поэтому необходимо обратиться к правовой базе, регулирующей отношения между Россией и Германией в области культуры.

Очень важное место в культурно-гуманитарном взаимодействии занимают научно-образовательные отношения. Переход России и Германии к болонской трехступенчатой системе образования, реализация совместных научных и образовательных проектов, а также деятельность культурных центров по распространению немецкого языка в России и русского в Германии соответственно позволяют поддерживать и развивать культурное взаимопонимание между российскими и немецкими специалистами. Этот фактор играет свою позитивную роль в экономике, так как общее видение

проблемы способствует ее быстрому решению. Открытие совместных предприятий, развитие и внедрение инновационных технологий в производство ведут к более эффективному экономическому взаимодействию, которое является необходимым фактором для стабильных политических отношений.

Если говорить о сохранении подобной последовательности выше обозначенных приоритетов (экономика на первом месте, политика — на втором, культурно-гуманитарные отношения — на третьем) в рамках российско-германских отношений, то совершенно очевидно, что экономические отношения будут иметь первостепенное значение для российско-германских отношений еще очень долгое время — краткосрочной и долгосрочной перспективах. Сохранение подобной тенденции обусловлено самой природой российско-германского взаимодействия — относительное равенство России и Германии как акторов международных отношений, географическая близость, исторические традиции, в отличие, например, от США. Даже в долгосрочной перспективе Россия и Германия будут иметь, что предложить друг другу.

Нестабильность современной международной обстановки вполне может вызвать некоторые разногласия между Россией и Германией в политической сфере, однако экономический интерес и набирающие обороты культурно-гуманитарные связи не позволят разорвать дипломатические отношения между двумя странами окончательно.

1.3. Приоритет РФ во внешней политике в постбиполярном мире

Сегодня, по прошествии 17 лет со времени распада СССР и развала биполярной структуры международных отношений возникает насущная потребность, во-первых, в глубоком анализе произошедших за последние годы изменений в мире, в чётком понимании реально складывающейся глобальной обстановки, а во-вторых, в поиске новых форм существования системы международных отношений. Каков этот «постбиполярный мир», какие принципы и ценности положены в его основу, каковы исторические перспективы его существования — вот актуальные для всего мирового сообщества вопросы.

Для нахождения ответа на них историческая и политическая наука в целом и теория международных отношений, в частности, обладают большим количеством методов. Из них особо следует выделить геополитический подход как наиболее значимый в условиях нынешнего мирового кризиса. Недаром интерес к геополитике возрос. Необходимо отметить, что на протяжении всего периода существования постбиполярного мира (с 1991 года) оценки и концепции российских исследователей и политиков о характере современной системы международных отношений претерпели существенную эволюцию.

С распадом СССР и коренным изменением геополитической ситуации сразу появилось и большое количество оценок и публикаций, претендующих на осмысление международной ситуации и роли России в новом мире. Как отмечал Х.Тиммерман, в отличие от большинства государств мира в политической элите России отсутствовал основной консенсус, в том числе и по ориентации страны в области внешней политики и политики безопасности [Тиммеран, 1994, с. 18.].

Уже в 1991 — 1993 гг. в России сформировались две значимые

геополитические доктрины, системы взглядов на характер системы современных международных отношений — атлантизм и евразийство. Фундаментальным отличием атлантизма и евразийства друг от друга является разное видение соотношения таких понятий, как «холодная война» и «международные отношения».

Атлантисты считают, что «холодная война» между Западом и Востоком происходила в рамках международных отношений и была их частью, то есть, пока происходила конфронтация между Западом и Востоком, весь остальной мир, включая Запад, в своих взаимоотношениях уже отошел от политики силы и конфронтационности, и пришло время и России войти в лоно норм международного права.

Евразийцы же считают, что «холодная война» пронизывала все сферы деятельности в мире, включая и международные отношения, которые были только частью «холодной войны», а не наоборот. Отсюда вывод о том, что с окончанием «холодной войны» не сложилась еще новая стройная система международных отношений, что пока налицо лишь переходный период к однополярному или многополярному миру [Тиммеран, 1994, с. 20].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось политическим и административным доминированием атлантистов во главе с тогдашним министром иностранных дел А.В.Козыревым. Наиболее полно доктрина атлантизма была отражена в вышедшем в 1993 г. документе «Концепция внешней политики Российской Федерации» [Козырев, 2013. 3-25].

Констатируя тот факт, что распад СССР поставил точку под периодом конфронтации двух «систем» и двух сверхдержав, и, отвергая саму идею полярности структуры международных отношений, так как полярность исходит из конфронтационного видения отношений между «полюсами», атлантисты утверждали, что сложились предпосылки для перехода системы международных отношений в новое качественное состояние. Его характерной чертой и отличием от прежнего служит преобладание неконфронтационных отношений между ведущими центрами мировой политики, превращение

сотрудничества в основной способ разрешения противоречий и споров между ними, поскольку применение силовых методов было бы в равной степени губительно для всех.

По мнению сторонников атлантизма, принципиальное отличие формирующейся новой системы международных отношений состоит в том, что динамика ее становления и развития определяется не соперничеством отдельных центров, а логикой их совместного развития. Управление же глобальными и региональными процессами все больше осуществляется на основе координации и согласованности ведущих держав мира в их экономической и международной политике. А носителем тенденции формирования центра мировой политики выступает в этом случае, прежде всего «семерка» ведущих государств мира.

Атлантисты, определявшие внешнеполитический курс России в первой половине 1990-х гг. были и людьми твердо убежденными в том, что Россия в скором будущем станет, наряду с США, форпостом демократии не только на пространстве бывшего СССР, но и во всем мире. Это « традиционный российский космополитизм соседствовал с удивительной верой в бескорыстие западных партнеров, якобы горячо желающих всего того, во что верили и что пропагандировали российские атлантисты. Эта вера наглядно представлена в утверждении А.В.Козырева: «Речь идет о союзе: единомышленников, которые не держат камень за пазухой, а вместе защищают права человека» [Козырев, 2013].

Однако к середине 1990-х гг. ситуация резко изменилась. Иллюзии «нового мирового порядка» и «возвращения России в европейский дом» поддерживались Западом до тех пор, пока Россия не разоружилась в военном и геополитическом отношении и не лишилась большинства союзников. Вслед за этим ей было объявлено, что для «европейского дома» и полноправного участника «клуба передовых демократий» она еще не созрела, а новый мировой порядок требует не равенства, а гегемонии демократического Запада. Так возникло необычайно острое противоречие между атлантической

утопией и геополитической реальностью. В условиях серьёзных внешнеполитических неудач и жёсткой критики, атлантизм утратил лидирующие позиции в оценке характера постбиполярного мира, что в свою очередь привело к росту во второй половине 1990-х гг. — начале XXI века популярности взглядов и концепций, пытающихся более адекватно оценить геополитическую структуру современного мира.

Рассмотрим более подробно обозначенные концептуальные позиции. Первая группа исследователей (С.А. Проскурин, В.А. Лисичкин, М.Г. Делягин, В.И. Королёв и др.) утверждает, что в 90-х годах XX века сложился «имперский миропорядок», на вершине которого находятся США и контролируемые ими межгосударственные и транснациональные структуры. США получили право сформировать такую систему международных отношений, какую они считают необходимой видеть. «Этот миропорядок совершенно не отражает интересы подавляющего большинства человечества, а значит, не может считаться приемлемым, стабильным и эффективным.

США крайне сложно поддерживать имперский характер системы международных отношений без опоры на круг своих союзников, прежде всего, страны Запада. В этом смысле иногда говорят о постепенном формировании в мире «монополюсной цивилизации», состоящей из развитых постиндустриальных государств, укрепляющих своё политическое лидерство опережающим рывком к новым информационным технологиям, к экономике знаний» [Козырев, 2013, с. 40.] Зависимость остального мира от западных технологий может сохраняться значительный период времени, что и делает долгое время невозможным вытеснение западной цивилизации с вершины мира.

Вторая группа исследователей (А.М. Салмин, В.И. Кривожиha, А.Д. Богатуров, А.Д. Воскресенский, В.А. Кременюк, А.В. Торкунов, Г.С. Хозин, З.Г. Соловьёв и др.), признавая в целом однополярность геополитической структуры современного мира, говорит о её постепенном размытии. «США желают подчинить весь мир своим интересам и ценностям, но практически

это не реализуемо в силу ограниченности их внутренних ресурсов и неизбежного противодействия со стороны других государств мира. Учитывая этот факт, выдвигаются концепции, утверждающие комбинированный характер современной геополитической структуры:

1) концепция «дискретно-однополярного мира» (В.И. Кривожиha), «в котором «полюс» (США) теперь не обладает абсолютным потенциалом притяжения, а выполняет более усложнённые функции генерирования управляющих и координирующих «сигналов» для различных регионов мира» [Кривожиha, 1995];

2) концепция «плюралистической однополярности» (А.Д. Богатуров, А.Д. Воскресенский), согласно которой «источником направляющих импульсов в мировой политике оказываются не единолично США, а Соединённые Штаты в плотном окружении стран «семёрки», сквозь призмы и фильтры которой преломляются, становясь более умеренными собственно американские национальные устремления».

Третья группа российских исследователей (К.Э. Сорокин, В.М. Кулагин, Е.М. Примаков, С.М. Рогов, Н.А. Симония, Е.П. Бажанов и др.) отстаивает дискурс о многополярной геополитической структуре современного мира, но её условно можно разделить по своим концептуальным установкам на две части. Первая из них объединяет сторонников того, что многополярный мир в общих чертах сформировался уже сегодня.

Так, Л. Н. Клепацкий говорит о многополярности как «объективном состоянии международных отношений, которое постепенно вызревало ещё в недрах холодной войны, но отчётливо проявилось после её окончания...» [Клепацкий, 2000.]. А вторая часть объединяет тех, кто придерживается более осторожных позиций, утверждая, что речь может идти только о тенденции к становлению многополярности по мере постепенного преодоления однополярной мировой структуры. Ещё, будучи министром иностранных дел России, Е.М. Примаков не раз предупреждал о преждевременности

утверждений, что «многополярный мир уже сформировался, и на смену системы баланса сил уже пришло равноправное партнёрство» [Примаков, 1996].

Наконец, четвёртая группа российских исследователей (С.Е. Кургинян, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, Л.Г. Ивашов, О.А. Арин) указывает на постепенное движение геополитической структуры современного мира в сторону восстановления биполярности либо в виде противостояния двух новых сверхдержав, либо двух геополитических блоков. США не смогут долго оставаться единственным полюсом в мире, что с неизбежностью приведёт к образованию уравновешивающего и сопоставимого с Америкой центра силы. В качестве претендента на роль второй сверхдержавы чаще всего называют Китай.

Формирование биполярной геополитической структуры мира часто обосновывается действием основного закона геополитики, связанного с неизбежным противостоянием морских (талассократических) и континентальных (теллурократических) государств, объединённых в два геополитических блока, между которыми разворачивается непримиримая борьба за влияние на мировой арене. В качестве одного из них обычно называют западный атлантический мир во главе с США, второй же блок ещё только находится в стадии своего становления и будет представлять собой стратегический союз нескольких крупных континентальных держав. К числу последних евразиец А. Г. Дугин, например, относит Россию, Японию, Германию и Иран (хотя включение Японии, главного союзника США в Восточной Азии, и Германии, члена НАТО, в антиамериканский континентальный блок не выглядит бесспорным), главный научный сотрудник Института дальнего Востока РАН А. Г. Яковлев — Китай, Россию и Индию, президент Фонда национальной безопасности Л. И. Шершнёв — Россию, Индию, Китай и Иран, объединённых на цивилизационной основе.

Но существует еще четвёртая точка зрения, поскольку она базируется на двух важных аспектах:

— во-первых, опыт развития международных отношений показывает вечную борьбу теллуократии и талассократии, которая проходила с переменным успехом и никогда не приводила к окончательной победе одной из сторон. Состояния однополярности или многополярности в истории международных отношений были своего рода переходным этапом к формированию новой биполярности.

— во-вторых, данная точка зрения основывается на одном из фундаментальных законов бытия — единства и борьбы противоположностей, как одного из главных двигателей социального прогресса.

Разворачивающийся экономический кризис вполне может стать катализатором формирования биполярной структуры международных отношений, поскольку магистральным путём выхода из него, скорее всего, станет усиление государственного регулирования экономики и социальных отношений, что, несомненно, приведёт к росту влияния теллуократических, континентальных государств, где государственное вмешательство, существенно ослабленное с 1980-х гг., всегда исторически выступало главным фактором прогресса.

В 2001 году перед депутатами Бундестага Путин выступил с речью, обращенной, по сути, ко всему Западу. А спустя шесть лет, в Мюнхене, он выступил с речью на форуме, посвященном проблемам международной безопасности, которая стала определяющей в его внешнеполитической линии на десятилетие вперед.

Обе речи можно назвать ключевыми обращениями Путина в вопросах внешней политики. В 2001 году российский лидер декларировал приверженность сближению России с Западом, налаживанию партнерских отношений между сторонами, разрешение всех камней преткновения между Россией и Западом. При этом, он говорил о важности принципа равноправия, без приверженности которого ничего не получится, и все старания будут тщетны. Речь Путина была встречена овациями слушавших его депутатов немецкого парламента. Своей открытостью он завоевал симпатии западных

СМИ, о нем заговорили как о преемнике ельцинской линии демократизации российского общества и проводника политики интеграции с Западом.

Однако, несмотря на радужный фон, фактических достижений за благим началом не последовало. Основные призывы Путина к взаимоуважению и равноправию оказались не услышаны, что показали события последовавших лет. Уже на Мюнхенской конференции Путин констатировал, что Россия с Западом явно не пришли к общему знаменателю, что Запад не хочет равноправия в отношениях, что, конечно, не может устраивать Россию. В своей речи российский лидер комплексно затронул ключевые аспекты повестки международной безопасности и проблемы размывания международного права в условиях, когда ключевые игроки глобальной политики ею пренебрегают.

Мюнхенская речь Путина произвела в своё время эффект разорвавшейся бомбы. Западный мир был шокирован тем, что его глобально-политическая концепция была публично описана (до некоторой детальности) и раскритикована — и кем: политиком, которого Запад ещё в начале 2000-х считал «своим», ну или как минимум лояльным по отношению к западной экспансии. Именно на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности 2007 года был дан официальный, публичный старт глобальному проекту «многополярность», что означало для Запада — конец его политики экспансии.

Ситуационный -анализ публикаций по теме «Взаимодействие России и ФРГ в современной системе международных отношений»

Действующие факторы:

- 1) Экономический. Между Россией и Германией установлен большой товарооборот. Много товаров экспортирует Россия из Германии. ФРГ в свою очередь экспортирует природные ресурсы из РФ.
- 2) Политический. Все проблематичные ситуации в Европе и ближнем зарубежье обсуждаются главными представителями европейских стран, в том числе Россией и Германией

- 3) Технологический. РФ перенимает опыт и технологии своего западного партнера.
- 4) Социальный. Ежегодно происходит обмен студентами, также создаются общие программы направленные в первую очередь на сферу образования (например объединенный немецко-русский учебник).
- 5) Личностный. Нынешний президент РФ долгое время работал в Германии, что тоже оставило оттенок на внешнюю политику в отношении с Германией.
- 6) Культурный. Россия всегда пытался держать западный курс развития. Германия одна из тех европейских стран с которой у России всегда были налажены дипломатические отношения. Много взаимствований из культур друг друга только подтверждает этот факт.

Прямые участники: РФ, ФРГ, ЕС

Косвенные участники: США, КНР, СНГ

Сценарии развития ситуации:

Название	Условия, при которых сценарий возможен	Последствия для осн. и косв. участников	Вероятность
1) Вооруженный конфликт между ФРГ и РФ	2) ФРГ отказывается признавать аншлюс Крыма 3) Понижение цены на нефть и газ, следовательно РФ поднимает цену 4) Приход к власти в ФРГ антироссийского	Россия: конфликт подорвет российскую экономику, РФ терпит поражение в прямом столкновении с армией НАТО. РФ проигрывает информационную войну и	Вероятность такого сценария крайне мала, потому как в XXI веке прямой вооруженный конфликт принесет вред обеим сторонам. Обе стороны конфликта

	<p>правительства. 5) Ужесточение санкций на РФ и Евразийский союз со стороны ЕС 6) Возобновление конфликта на востоке Украины</p>	<p>выставленная главным агрессором в глазах мирового сообщества. Ввод новых санкций. Германия: ослабевание экономики, что ведет к нарастанию напряженности в ЕС, возможен выход некоторых членов из состава ЕС. США: укрепление позиций доллара, повышение цены на нефть, США подтверждает свой авторитет. Правительство Трампа укрепляет свои позиции. Китай: Китайская экономика усиливается, но газопровод РФ прекращает</p>	<p>надолго уйдут в регрессирующую стадию.</p>
--	---	---	---

		<p>функционировать. СНГ: терпит экономический крах, происходит смена авторитарных лидеров, выход ряда стран из состава СНГ. Распад Евразийского союза и ОДКБ.</p>	
<p>2) Укрепление отношений между ФРГ и РФ</p>	<p>1) Повышение цены на доллар 2) Урегулирование ситуации на Украине 3) Кризис в ЕС 4) Приход нового пророссийского настроенного правительства в ФРГ 5) Отмена санкций ЕС на Россию 6) Усиление роли Евразийского союза 7) Разрешение</p>	<p>Россия: усиление экономики, повышение авторитета в регионе. Германия: сохранение целостности ЕС США: политическое поражение США, снижение курса доллара, смена Трампа на посту президента. ЕС: стабилизация внутри еврозоны, увеличение курса</p>	<p>Вероятность высокая, но для этого должен произойти ряд событий, на большинство которых не может повлиять ни РФ, ни ФРГ</p>

	миграционного вопроса в ФРГ	евро. Великобритания остается внутри ЕС. СНГ: укрепляет свои позиции, все лидеры остаются на местах.	
3) Отношения между РФ и ФРГ остаются на прежнем уровне.	<p>1) Сохранение санкций против России</p> <p>2) Сохранение конфликта на Украине</p> <p>3) Нерешенный вопрос по мигрантам</p> <p>4) Сохранение прежней цены на нефть, либо снижение цены</p> <p>5) Выход Великобритании из ЕС, кризис внутри ЕС.</p> <p>6) Новая немецкая элита не захочет курса на сближение</p>	<p>Россия: российская экономика по-прежнему будет нестабильна</p> <p>Германия: ФРГ будет затрачивать все силы на сохранение стабильности внутри ЕС.</p> <p>США: будет иметь вес в любых спорных ситуациях в Европе, стабильность курса доллара.</p> <p>ЕС: будет нестабилен, снижение курса</p>	Такой сценарий развития событий наиболее вероятен

		евро. КНР: экономика Китая будет усилятся. Юань станет второй мировой резервной валютой. СНГ: нестабильность внутри содружества, ужесточение авторитарных курсов.	
--	--	---	--

Вывод: Германия и Россия вряд ли в ближайшие 5-10 лет улучшат свои отношения. Но их связывает много экономических, политических и культурных связей, поэтому тенденция в сторону улучшения отношений все же просматривается.

Глава 2. Развитие российско-германских отношений в конце XX – начале XXI в.

2.1. Политические и экономические аспекты развития отношений

Ни для кого не секрет, что ситуация «холодной войны», возникшая после окончания II Мировой войны, усложнила взаимопонимание между СССР и странами Запада.

В настоящее время многие политологи отмечают, что именно Германия наиболее близка к России. В сотрудничестве с Россией она может стать той самой сдерживающей силой, которая остановит растущую экспансию США.

С одной стороны, Германия с геополитической точки зрения напоминает Россию (как ранее СССР). Она находится в центре европейского континента, как нынешняя РФ — в центре Евразии.

С другой стороны, Германия в блоке с Россией может оказаться не просто центром противодействия попыткам установления гегемонии США в Европе и в мире, а стать центром кристаллизации вообще нового мирового порядка, не в интересах США, а в интересах всей планеты.

Есть веские основания полагать, что такая объединённая политика двух стран действительно может когда-то иметь место, особенно если учесть, насколько схожи в настоящий момент взгляды обоих государств на многие спорные вопросы мировой политики. Именно в лице Германии Россия зачастую находит поддержку, в то время как многие страны Запада российскую позицию разделяют далеко не всегда. После столь долгожданного объединения Германии, восстановления её суверенитета в 1990 году и распада СССР в 1991 перед государствами встал вопрос выбора

характера взаимоотношений и направлений политики.

Становление российско-германских отношений после долгого периода «холодной войны» и объединения Германии можно условно разделить на три этапа:

1 этап — период, в течение которого канцлером Германии был Гельмут Коль, период так называемых советско-германских отношений, объединения Германии и начальный период российско-германских отношений;

2 этап — период нахождения Г. Шрёдера на посту канцлера Германии, так называемый постсоветский период и развитие отношений, которые складывались уже в русле российско-германских отношений;

3 этап — приход к власти Ангелы Меркель, современный период российско-германских отношений.

Первый этап: 1 октября 1982 года федеральным Канцлером ФРГ стал Гельмут Коль, один из наиболее выдающихся политических деятелей Германии. Именно под его руководством был решён так называемый германский вопрос. Немаловажную роль в принятии судьбоносного решения сыграл не только политический гений экс-федерального канцлера, но и его дружеские взаимоотношения с первым президентом СССР. В своём интервью «Известиям» в апреле 2010 года М. Горбачёв назвал Г. Коля «человеком огромной жизнестойкости и крепкого характера» и пожелал ему «прежде всего <...> как можно быстрее поправить здоровье». Именно взаимопонимание двух ведущих политиков позволило им достичь согласия по германскому вопросу. В июле 1990 г. на встрече канцлера ФРГ Г. Коля с президентом СССР М. Горбачевым советская сторона дала согласие на объединение Германии, были обговорены соответствующие условия этого объединения, в том числе порядок и сроки вывода Западной группы войск с территории ГДР.

Сам канцлер Германии Г. Коль так оценивал результаты переговоров: «Генеральный секретарь Горбачёв и я единого мнения, что только немецкому народу предоставлено право решать, хочет ли он жить в едином государстве.

Генеральный секретарь Горбачёв недвусмысленно пообещал мне, что Советский Союз будет уважать решение немцев жить в одном государстве, самим определить время и путь к единению». Впервые СССР признало наличие германского вопроса.

12 сентября 1990 г. Советский Союз, США, Великобритания и Франция, а также оба немецких государства подписали т. н. Договор «два плюс четыре» (*Zwei-plus-Vier-Vertrag*). Этим договором было подтверждено создание объединенной Германии. 31 августа ФРГ и ГДР подписали договор об объединении Германии (*Einigungsvertrag*).

А 3 октября произошло присоединение ГДР к Федеративной Республике Германии, конституция ФРГ стала действовать на присоединенной территории. Более того, СССР также признал право немецких государств непосредственно участвовать в определении будущего Германии. В июле 1990 г. Г.Коль сумел к тому же получить согласие М. Горбачева на то, чтобы объединённая Германия входила и в военную, и в политическую организацию НАТО. Советский Союз обещал вывести свои войска из Восточной Германии [Павлов Н.В., 2012, с.32-42].

По это вопросу в сентябре 1990 года обе стороны подписали договор, регламентирующий пребывание и вывод войск. Договор предусматривал, что все советские войска, дислоцированные на территории Германии, должны были покинуть ее с конца 1990 по 1994 год. После распада СССР Указом президента РСФСР от 4 марта 1992 года ЗГВ перешла под юрисдикцию Российской Федерации, взявшую на себя обязательства по дальнейшему выводу войск, который был завершён 31 августа 1994 года уже в период Б. Ельцина.

Тем не менее, так называемый «Большой договор» (два плюс четыре) 1990 года выдержал испытание временем, а его основные положения способствовали становлению и развитию отношений новой России и Германии в конце XX- начале XXI веков. Уникален он и тем, что в нём были определены направления взаимодействия двух государств в противодействии

международному терроризму, и очерчен практически универсальный круг взаимоотношений между нашими двумя государствами с элементами совместных действий по поддержанию мира на планете.

Первый и, возможно, самый сложный этап налаживания отношений между Россией и Германией во многом прошёл успешно благодаря дружественным отношениям, сложившимся между главами двух государств. Доброжелательный настрой лидеров помогал смягчить критику политики партнера и быстрее достичь компромисса.

В общем, после развития отношений между странами товарооборот между Россией и ФРГ в 1995-1998гг. составил 149 млрд. долл., экспорт 83,1 млрд. и импорт – 65,7 млрд. долл. Это составило 8% совокупного экспорта России и около 10% импорта. Начало второго этапа российско-германских отношений можно выделить с момента прихода на пост Генерального Канцлера Г. Шрёдера 27 октября 1998 года. Как и его предшественники, Шрёдер продолжил укрепление взаимоотношений между государствами. Однако российское направление политики ФРГ подверглось существенным корректировкам. Результатом начального этапа стало ухудшение политических отношений между странами. Характеризуя этот период, многие политологи имеют сегодня все основания говорить о возникшем так называемом «кризисе доверия» между странами.

Самые серьёзные последствия в этой области имело решение правительства Шрёдера – Фишера о полномасштабном участии ФРГ в военной операции НАТО против Югославии. Тем самым правительство ФРГ пошло на грубейшее нарушение принципиального положения германского урегулирования, зафиксированного в Большом германо-советском договоре и в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии, которое провозглашало, что с «германской земли будет исходить только мир». Явно недружественную позицию по России заняло правительство ФРГ и в связи с проведением контртеррористической операции в Чечне. Развязанная в немецких СМИ широкая пропагандистская кампания привела к

всплеску антироссийских настроений в стране.

Согласно данным опросов общественного мнения, проведённых в феврале-марте 2000 г. и озвученных радиостанцией «Немецкая Волна», более 50% немцев были бы согласны в этих условиях с применением против Российской Федерации экономических санкций со стороны Европейского Союза. Однако избрание В.В. Путина на пост Президента Российской Федерации в 2000 году открыло определённые перспективы для постепенного улучшения отношений между странами.

Немалую роль в достижении этой цели сыграл официальный визит российского президента в Германию, встречи в рамках «восьмёрки» на Окинаве в 2000 году, саммит тысячелетия в Нью-Йорке, переговоры на уровне членов правительства и представителей деловых кругов двух стран. Одним из важных шагов в сближении двух стран явилось основание форума гражданских обществ России и Германии под названием «Петербургский диалог». Он был создан в 2001 году по инициативе и под патронатом Президента Российской Федерации В.В. Путина и Федерального канцлера Федеративной Республики Германия Г. Шрёдера [Никитин А.К., 2006, с. 47].

Главной целью существования Форума было и остается создание надежной основы для развития российско-германских отношений за счет расширения сотрудничества гражданских обществ двух стран. Создание Форума происходило на фоне общего стремительного развития российско-германских отношений и усиления позиций Российской Федерации на мировой арене. Первый Форум прошел в Санкт-Петербурге в апреле 2001 года. Тема Форума была сформулирована как «Россия и Германия на рубеже XXI века – взгляд в будущее». В нем приняли участие около 100 представителей российского и германского общества. В дальнейшем Форум проводился ежегодно. И вновь, как и раньше, начала возникать крепкая личная дружба глав обеих стран, позволяющая вывести межгосударственные отношения на новый уровень и способствующая осуществлению множества совместных проектов и идей. На одной из пресс-конференций Шрёдер

заявил: «Путин — человек, которого я очень ценю».

«В нынешней ситуации в России он — оптимальный президент. <...> Да, Владимир не вписывается в привычную для Запада схему руководителя. Но я ему верю. Нельзя забывать, во главе какой страны находится политик — России или такого государства, как, например, Великобритания или Франция» [Павлов Н., 2010, с. 66-78].

В свою очередь В. Путин также крайне доброжелательно и положительно высказался о федеральном канцлере Германии: «Канцлер Герхард Шрёдер с самого начала проявлял искреннее желание приумножить все лучшее, все позитивное, что было накоплено в российско-германских связях. И, без преувеличения, его можно назвать не только одним из главных вдохновителей нашего стратегического партнерства, но и человеком, который сыграл уникальную роль в завершении долгого и сложного процесса исторического примирения россиян и немцев». В 2002 году ряд стран, в числе которых находились Франция, Германия и Россия, категорично выступили против войны в Ираке, начатой США. Тогда впервые появились разговоры о якобы существующей российско-германско-французской оси.

Избирательная компания Г. Шрёдера, во время которой он выступил с резкой критикой позиции США, положила начало новому этапу в германо-американских отношениях. Берлин отвергал любое военное вмешательство, выражая сильную пацифистскую и антимилитаристскую позицию. Между двумя политическими лидерами установились дружеские отношения — не только на политическом уровне, но и на личном. Германский канцлер ратовал за особо тесное сотрудничество Германии и России — двух стран, которые, по его словам, «окончательно преодолели рвы прошлого». По мнению наблюдателей, это сотрудничество принесло немалую выгоду обеим сторонам. Шрёдер поддерживал стремление России к равноправному участию в работе «Большой восьмерки» и вступлению в ВТО. Путин поддержал ФРГ в вопросе о подписании Киотского протокола по контролю над климатом. Благодаря дипломатии Шрёдера, Путин не пошел на

эскалацию напряжения из-за украинской «оранжевой революции» 2004 года. Отношения Шрёдера с Путиным и сближение возглавляемых ими стран вызывало на Западе немалое недовольство. Особо активные критики даже говорили о существовании так называемого «пакта Шрёдера-Путина» [Павлов Н., 2010, с. 66-78].

Важнейшим направлением совместной политики обеих стран стало и отношение к международному терроризму. В 2004 году лидеры двух государств приняли заявление, посвященное вопросам борьбы с международным терроризмом. Заявление предусматривает конкретные меры по борьбе с терроризмом. Оба президента отмечали, что «международный терроризм, наряду с распространением оружия массового уничтожения, региональными конфликтами и организованной преступностью, представляет собой самый опасный вызов безопасности обеих наших стран». В этом отношении совпали военно-политические взгляды двух стран по вопросу урегулирования ситуации в Афганистане. Глава МИД России Сергей Лавров и посол Германии Ханс-Фридрих фон Плетц в октябре 2004 года подписали в Москве Дополнительный протокол о наземном военном транзите в Афганистан. Этот документ стал дополнением к действующему между Россией и Германией Соглашению о транзите военного имущества и персонала через территорию РФ в связи с участием Вооруженных сил ФРГ в миротворческой миссии в Афганистане.

Соглашение было подписано 9 октября 2003 года, и по согласованию сторон временно применяется с начала этого года. Оно определяет порядок осуществления транзита через территорию России вооружений, военной техники, военного имущества и персонала ФРГ в целях поддержки международных усилий по стабилизации и восстановлению Афганистана.

В свою очередь посол Германии Ханс-Фридрих фон Плетц отметил, что до сих пор Соглашение о транзите выполнялось беспрепятственно и поблагодарил российскую сторону «за превосходное сотрудничество». «Это наш общий вклад в стабилизацию Афганистана под эгидой ООН.

Соглашение является символом добрых отношений между нашими странами, исполненных доверия», — отметил посол. По словам посла Германии, позиция двух стран по многим вопросам, включая борьбу с терроризмом и международные проблемы, совпадает. «Это является основой для хороших перспектив сотрудничества на будущее», — отметил посол.

В 2005 году Путин и Шрёдер договорились о строительстве Североевропейского газопровода по дну Балтийского моря. Труба длиной 1200 км. была проложена по дну Балтийского моря с ответвлениями на Калининград, Швецию и Финляндию. Однако отношения ФРГ и России не всегда носили столь безоблачный характер. Когда бывший канцлер ФРГ Г. Шрёдер был избран президентом этого международного консорциума, финансовые деятели Германии, Франции, Англии и других западных стран дружно отвергли предложение руководства «Газпрома» о приобретении перерабатывающих производств и сетей для транспортировки нефти и газа в Западной Европе. Российским политикам и финансистам дали ясно понять: ваше дело поставлять газ, и только, т.е. вы для нас — пока развивающаяся. Яростным противником строительства Северного газопровода выступила Польша. Причина — уходят пошлины, что взимали поляки за транспортировку энергоносителей через их территорию. Уклончиво начали вести себя в отношении строительства нитки Финляндия и Швеция. Тем не менее, благодаря сотрудничеству с компанией Рургаз, Россия вышла на рынки Европы. До 2008 г. компании Рургаз было поставлено около 200 млрд. м³ газа.

Торговый оборот между двумя странами достиг почти 30 млрд. евро и таким образом Германия заняла первое место в торговом обороте России. Таким образом, очередной экономически важный проект не только обеспечил укрепление российско-германского сотрудничества, но и сплотил Россию и Германию на мировой арене. В 2006 году бывший канцлер Германии, а ныне председатель наблюдательного совета Северо-Европейского газопровода (СЕГ) предложил российским властям создать лоббистскую структуру по

продвижению интересов России на Западе. Однако к предложению экс-канцлера неоднозначно отнеслись и в Берлине. Германских экспертов смущало, что финансировать работу центра предлагалось из средств российского бизнеса, а в российском руководстве опасались, что все это могло негативно повлиять на отношения Кремля с нынешним канцлером ФРГ Ангелой Меркель.

Нельзя не упомянуть и ещё об одном немаловажном обстоятельстве. В 2004 году нынешний экс-канцлер Германии «породнился» с Россией. 60-летний Герхард Шрёдер и его 41-летняя супруга Дорис Шрёдер-Кепф удочерили 3-летнюю сироту из Санкт-Петербурга по имени Виктория.

Г. Шрёдер претворил в жизнь второй этап восстановления доверительных отношений между Россией и Германией. Неподдельное уважение, которое оба лидера питали по отношению друг к другу, вывело российско-германскую дружбу на новый уровень и позволило достичь новых, важных для обеих сторон соглашений в самых различных областях. Постепенно недоверчивость и подозрительность, пережитки холодной войны, начали сменяться дружелюбными настроениями с обеих сторон.

Третий этап развития российско-германских отношений ознаменовался историческим событием. 21 ноября 2005 года первой женщиной-канцлером в Германии стала Ангела Меркель. Однако следует отметить, что для нового канцлера Германии важны были в первую очередь отношения с США.

Сама А. Меркель отмечала: «будем развивать стратегическое партнерство с Российской Федерацией», но дала понять, что возвратит главную внешнеполитическую ориентацию Германии на Соединённые Штаты, а к России намерена относиться более дистанцировано, хоть и прагматично. Тем не менее, она не стала денонсировать достигнутые в эпоху Шрёдера соглашения с Россией. В 2013 году состоялась пресс-конференция президента России Владимира Путина с федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель [Павлов Н., 2005, с. 112].

В Европе главными фигурами остаются Россия, Германия и Франция,

причем у последних двух мотивацией для сотрудничества будет образование единой Европы, но лавры лидерства в Европейском союзе все ощутимее берет Германия. Новая Германия не только перестала быть младшим политическим партнером Франции, но и автоматически превратилась в важнейшую европейскую державу, особенно через крупные финансовые вклады в поддержку ключевых международных институтов. В процентном отношении к общему бюджету на долю Германии приходится 28,5% бюджета ЕС, 22,8% — НАТО и 8,93% — ООН. Кроме того, Германия является акционером Мирового банка и Европейского банка реконструкции и развития.

Противостояние Германии и России происходит также по поводу Калининградской области. Калининград — опорный пункт, который позволяет контролировать Польшу, Прибалтику, Белоруссию и западную часть России.

Второй фактор, мешающий установить равноправный союз между Россией и Германией, — это временная экономическая слабость России.

Трех процентная доля России в мировой экономике пока не позволяет России использовать экономический — наиболее существенный и эффективный в современном мире — способ воздействия на международные отношения. Пока, в реализации государственных интересов нынешняя российская экономика способна решать региональные задачи на пространстве бывшего СССР, где Россия, по-прежнему, остается самым мощным экономическим субъектом.

Третий фактор это слабость сопредельных с Россией и Германией государств. Польша, Украина, Молдавия, Чехия, Словакия, страны Прибалтики, страны бывшей Югославии, Венгрия, Румыния, Болгария, Украина и т.д. — огромный регион, где Германия может установить экономический, политический контроль, а это, в свою очередь, противоречит российским национальным интересам.

Тем не менее, сотрудничество России и Германии не должно терять

набранных темпов, ведь оно помогает решить ряд различных проблем, с которыми сталкиваются страны сегодня. Россия получает доступ к высоким технологиям, хорошим инвестициям в промышленность и энергетику. При этом экономической зависимости от Германии не наступит, поскольку взамен та будет получать от Москвы стратегическое прикрытие от США и ресурсную независимость от стран третьего мира, которые не подконтрольны США.

Соотношение сил на международной арене в ближайшее время будет меняться в зависимости от политических движений США и единой Европы во главе с Германией, а также России. Интересы атлантистов будут направлены на Евразию, которая занимает особое положение в геополитическом отношении. Следовательно, борьба крупнейших держав имеет своей целью контроль над двумя или тремя наиболее развитыми и экономически продуктивными мировыми регионами. Перспективы сотрудничества Германии и России могут быть обусловлены такими факторами долгосрочного характера, как наличие у России:

- большой территории;
- открытых еще в советское время 10% мировых запасов нефти и 30% — газа;
- более 50% мировых ресурсов благородных металлов [Клепацкий Л.Н., 2015, с. 171-175].

Наряду с этим, Россия, сыгравшая решающую роль в обретении немцами единства, имеет сегодня неплохие возможности для того, чтобы экономический потенциал Германии «работал» на укрепление её национальной экономики, а внешняя политика ФРГ оставалась предсказуемой, направленной на продолжение объединения Европы с учетом интересов всех вовлечённых в него государств, а также максимально учитывающей интересы России в диалоге с Евросоюзом, ОБСЕ, Советом Европы, ООН и, особенно в свете идущей сегодня дискуссии о расширении её Совета Безопасности, в том числе, возможно, за счёт приобретения ФРГ

места его постоянного члена.

Однако для воплощения этой идеи в жизнь необходимо добиться того, чтобы именно геополитика и ее законы стали главной базой для принятия всех существенных внешнеполитических решений и в Германии, и в России, так как только с этой точки зрения необходимость тесного русско-немецкого союза могут быть осознаны и понятны до конца.

2.2. Российско-германское взаимодействие в сфере науки, культуры, образования

Культуры Германии и России следует признать равноценными, дополняющими и обогащающими друг друга, хотя вследствие неодинаковых исторических традиций сформировавшимися в различных ценностных координатах. Опираясь на опыт многовекового сотрудничества, в постбиполярную эпоху стороны выступили партнерами в области культурного взаимодействия, обеспечивая данное направление внушительным нормативно-правовым регулированием. Его базу составлял комплекс межправительственных соглашений [Истягин Л.Г., 2009, с. 99-109], в которых ФРГ и РФ отразили основные направления двусторонних взаимодействий в культурно-гуманитарной сфере, включавшие представление достижений в рамках международных фестивалей, деятельность культурных центров в принимающей стране, обеспечение заинтересованным лицам широкого доступа к языку и культуре другой стороны, поддержание соответствующих государственных, общественных и индивидуальных инициатив, сотрудничество вузов, раскрытие творческих способностей германских и российских граждан.

В марте 2001 г. на заседании Германо-российской комиссии по культурному сотрудничеству была согласована широкомасштабная программа двустороннего взаимодействия в этой области. Ее ключевые положения нашли отражение в Совместном заявлении, подписанном министрами культуры ФРГ и РФ в сентябре 2001 г. [Гранин В., 2012, с.57-65]. Стороны озвучили идею перевода культурного сотрудничества в новый формат. Это стремление нашло отражение в концепции фестиваля «Российско-германские культурные встречи 2003–2004 гг.», миссия которого состояла в укреплении взаимопонимания между народами двух стран, улучшении общей атмосферы и информационного фона сотрудничества.

9 февраля 2003 г. в Берлине состоялось официальное открытие Года российской культуры в Германии. На торжественной церемонии присутствовали президенты обоих государств, что подчеркивало высокий статус фестиваля. Из уст Й. Рау и В.В. Путина прозвучала общая мысль о «культурных встречах», как проекте, не имевшем аналогов в истории двусторонних отношений. Ясно выраженная заинтересованность властей ФРГ и РФ позволяла рассчитывать на успешную реализацию задуманных мероприятий.

2 апреля 2004 г. был дан старт второму этапу «Российско-германских культурных встреч» под названием «Год немецкой культуры в России». Основные мероприятия проходили в Москве и Санкт-Петербурге, однако стороны специально решили провести несколько культурных акций в ряде динамично развивавшихся столиц регионов РФ. В программе презентации немецкой культуры получили отражение совместные спортивные акции, языковые викторины, поп-концерты, искусство в Интернете.

«Культурные встречи» 2003–2004 гг. можно считать комплексом мероприятий, обеспечивавших интенсификацию германо-российского взаимодействия в этой области.

Обширную программу культурных обменов сторонам удалось реализовать в 2006–2008 гг. Состоялся отбор нескольких важных

направлений, позволявших реализовать задачи взаимного культурного обогащения народов ФРГ и РФ.

Долгосрочный характер приняла Программа сотрудничества Государственных собраний произведений искусств Дрездена с музеями Московского Кремля. В рамках ее реализации партнеры направляли друг другу лучшие образцы произведений культуры и искусства. В Москве с мая по август 2006 г. была представлена выставка из коллекции дрезденского музея «Зеленые своды» «Сокровища Августа Сильного». Художественные и историко-документальные выставки из собраний ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Государственного музея искусства народов Востока в течение года проходили в музеях, выставочных залах и галереях Берлина, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне, Штутгарта, Бонна, Эссена, Карлсруэ. С июля 2007 по май 2008 г. в Германии состоялась российская научно-археологическая выставка «Под знаком золотого грифона. Царские могилы скифов», экспонаты которой демонстрировались в крупнейших городах ФРГ. 15 мая 2007 г. в Бонне была открыта выставка произведений из собрания Третьяковской галереи «Душа России», 12 сентября 2007 г. под патронатом президента РФ В.В. Путина и федерального канцлера ФРГ А. Меркель в Дюссельдорфе прошла выставка картин из ведущих российских музеев.

7 декабря 2007 г. в Берлине состоялось открытие масштабной выставки «Наши русские – наши немцы. Образы других 1800–2000», являвшейся совместным проектом российско-немецкого музея Берлин-Карлсхорст и Государственного исторического музея в Москве. С 22 февраля по 1 июня 2008 г. в г. Аусбурге в музее Максимилиана проходила выставка аусбургского серебра из музеев Московского Кремля, предоставившая посетителям возможность проследить процесс накопления и совершенствования мастерства как в творчестве отдельных мастеров, так и целых династий, прославивших немецкий Аусбург. Сторонами разрабатывался совместный проект «Северный ислам», включавший организацию выставки из собраний

музеев Санкт-Петербурга, Казани и Уфы, а также повествовавший в художественной форме об исторической роли мусульманства в России [Гранин В., 2012, с. 57-65].

Вторым важным направлением культурного взаимодействия явилось сотрудничество в области кинематографа. Российские фильмы пользовались большим успехом у немецких зрителей. В течение 2006 года на территории ФРГ был проведен ряд фестивалей российского кино, в том числе «Дни кино Санкт-Петербурга» в Берлине, Дрездене и Галле (апрель–май), фестивали «Молодое кино России» в Берлине (сентябрь) и «Новое российское кино» в Эссене (октябрь). 9–15 апреля 2008 г. в Висбадене проходил кинофестиваль стран ЦВЕ, в конкурсной программе которого были показаны две российские картины режиссеров А.П. Попогребского «Простые вещи» и А.О. Балабанова «Груз 200». Со своей стороны, немецкие кинематографисты представили свое творчество на фестивале документального кино в Санкт-Петербурге (июнь 2008 г.).

Третьим приоритетным направлением культурного взаимодействия стала реализация крупных германо-российских проектов в области библиотечного и архивного дела. Используя современные компьютерные технологии, партнеры провели большую работу по составлению и публикации каталога западноевропейских средневековых рукописей из фондов Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина на русском и немецком языках; было налажено взаимодействие Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (далее ВГБИЛ) и Академии сохранности бумажных документов Лейпцига по созданию в Москве российско-германского центра сохранности библиотечных и архивных фондов и электронной каталогизации книжных коллекций из фондов ВГБИЛ; осуществлялось сотрудничество в рамках проекта Государственной публичной исторической библиотеки и библиотеки университета г. Оснабрюка по созданию сводного каталога книг из библиотек бывшего Кенигсберга. Было обращено внимание на недостаточно полную

обработку материалов из фондов Советской военной администрации в Германии, в связи с чем стороны опубликовали ряд сборников документов, проливавших свет на ее деятельность. Проводилась работа по созданию электронной базы данных и коллекции оцифрованных копий документов и их микрофильмов для использования в исследовательских целях в архивах Германии и создания страхового фонда в архивах России [20].

Век информационных технологий предоставил большой простор для творчества в области фотографии и изобразительного искусства. Успешные немецкие фотографы осуществляли в РФ свои проекты. Всемирно известный мастер Рюдигер Шестаг представил на суд взыскательных российских зрителей два крупных художественных проекта: «Обои» (2005–2007 гг.) и «Современная немецкая фотография» (2008 г.), концептуально связанных друг с другом.

В Берлине действовал Российский дом науки и культуры (далее РДНиК), строивший свои программы в расчете на немцев и соотечественников. Первых привлекали выступления российских музыкальных коллективов, артистов оперы и балета. Для вторых устраивались творческие встречи с известными деятелями культуры и искусства из РФ. Вместе с Центральным домом актера им. А.А. Яблочкиной РДНиК осуществлял проект «Театральная гостиная», приглашая известных артистов из РФ [Белов В.Б., 2010, с. 23-29].

В 1997 году начал функционировать Российско-Немецкий Дом (далее РНД) [Белов В.Б., 2010, с. 34-40], в котором проходили концерты, литературные вечера, показы фильмов, авторские чтения, вернисажи, знакомившие гостей с лучшими образцами мировой, немецкой и русской культуры. Важной целью РНД являлась поддержка немецкого языка, для чего он заключил партнерское соглашение с автономной некоммерческой организацией «Социально-культурные программы в пользу российских немцев – Брайтенарбайт» (Breitenarbeit), организовавшей бесплатные курсы их родного языка.

«Петербургский диалог», созданный в 2001 г. по инициативе президента РФ В.В. Путина и канцлера ФРГ Г. Шрёдера, стал платформой для обсуждения актуальных тем, интересующих как различных представителей органов власти, общественных и неправительственных организаций, бизнес-элиты, так и деятелей науки, искусства, преподавателей, студентов и т. д. Этот форум предназначен «для углубления взаимопонимания между Германией и Россией, дальнейшего развития двустороннего сотрудничества во всех сферах общества, дополнительного стимулирования связей между» обоими государствами [Барановский В.Г., 2007, с. 8-23]. МИД РФ, Россотрудничество, а также ряд других органов исполнительной власти РФ поддерживают российско-германские организации и сообщества. В их число входят «Германо-российский фестиваль», общественная организация «Берлинские друзья народов России»; клуб соотечественников «Диалог»; Русская колония «Александровка» в городе Потсдаме и германская общественная организация «Культура - Александровка»; газета «Русский Берлин», а также культурно-образовательная акция по популяризации русского языка «РуссоМобиль в Германии» (Das Russo-Mobil), проект Федерального союза немецких обществ Запад-Восток (BDWO e.V.) для поддержки русского языка и культуры в ФРГ. В мае 2002 г. после открытия молодёжного форума «Вместе в 21-ом веке» была проведена сначала в Москве, а затем и в Берлине первая совместная олимпиада по русскому и немецкому языкам [Барановский В.Г., 2007, с. 8-23].

Российско-германское культурное сотрудничество было закреплено соглашением от 16 декабря 1992 г. между правительствами РФ и ФРГ; 4 февраля 2011 г. оба государства заключили договор об учреждении культурных институтов в Германии и России. В наши дни немецкий язык популярен среди россиян, особенно, среди молодёжи, поэтому была создана программа «Школы: перспективы на будущее» (PASCH), в которой принимают участие 90 российских школ с углублённым изучением немецкого языка. Весьма внушительное число (более 12 тыс.) молодых людей из России

учатся в университетах Германии. Однако, опираясь на статистические данные, стоит сказать, что количество российской молодёжи, изучающей немецкий язык, сокращается. Так, в 2005 г. в общей сложности 3,3 млн чел. в России изучали немецкий язык, тогда как в 2011 г. их число сократилось до 2,3 млн чел. Одной из главных причин этого является то, что значительный акцент в школьной и университетской образовательных программах делается на английский язык, как основной иностранный язык. Начиная с конца 2010 г. Гёте-Институт запустил новый общенациональный проект, направленный на поддержку и распространение немецкого языка, в противовес тенденции монолингвизма (английский язык как единственный иностранный язык в школах и университетах) [Лавров С.В., 2012, с. 13-22].

Поддержка российско-германского школьного, студенческого и молодёжного обмена осуществляется благодаря ДААД, Германская служба академических обменов (DAAD, Deutscher Akademischer Austausch Dienst), Службе педагогических обменов (PAD), Гёте-Институтам (в Москве, Санкт-Петербурге, с 2009 г. и в Новосибирске), Фонду им. Александра фон Гумбольдта, Фонду германо-российского молодёжного обмена (2006 г.), который способствовал организации германо-российского молодёжного Парламента. В 2010 г. Организация ДААД предоставила стипендии более 3000 российским студентам и выпускникам университетов для обучения и 700 российским учёным для осуществления научно-исследовательских проектов в Германии [Лавров С.В., 2012, с. 13-22].

В июле 2011 г. министры иностранных дел РФ и ФРГ подписали соглашение об учреждении Германского дома исследований и инноваций в рамках германо-российской модернизации двустороннего сотрудничества. Очевиден и тот факт, что стратегическое партнёрство между государствами осуществляется в тесном взаимодействии с научно-исследовательской деятельностью. 22 марта 2010 г. Санкт-Петербургский университет и Технический университет Берлина (физический факультет) как часть исследовательской и академической инициативы развития открыли Германо-

российский междисциплинарный научный центр (G RISC) в Санкт-Петербурге.

Россию и Германию связывает долгая история, в том числе общая послевоенная история, в которой осталось много вопросов, касающихся военных захоронений, неутихающих споров, связанных с репатриацией, культурным наследием и т. д. В 2004 г. была создана двусторонняя германо-российская группа, которая занималась проблемами, связанными с Балдинской коллекцией, архивами, коллекциями из серебряных предметов герцога Ангальта и т. д.

Для развития двустороннего сотрудничества важны заинтересованность и поддержка как государства, так и гражданского общества. Анализируя послевоенную историю гуманитарного сотрудничества между Россией и Германией, можно выделить одну важную особенность: по мере того, как укреплялись российско-германские политические и экономические отношения, возрастал и удельный вес гуманитарной составляющей в общем комплексе двусторонних связей. После объединения ГДР и ФРГ в гуманитарном сотрудничестве между Россией и Германией можно выделить три основных этапа: первый этап связан с именем федерального канцлера ФРГ Гельмута Коля (1982-1998 гг.), при котором произошло объединение Восточной и Западной Германии. «Германия после четырёх с лишним десятилетий раскола стала единым демократическим правовым государством с полным суверенитетом во внутренних и внешних делах, с урегулированными в международно-правовом отношении границами. При этом объединение было достигнуто мирным путём, без угроз и применения силы, при одобрении соседей на Западе и Востоке» [Федорцев В.А., 2015, с. 77-78].

При Герхарде Шрёдере (1998-2005 гг.) были заключены важные соглашения между Германией и Россией, а также после отказа Германии участвовать в военных операциях в Ираке наметилось сближение между РФ и ФРГ. Третий период связан с федеральным канцлером ФРГ Ангелой Меркель

(с 2005 г. по настоящее время). Находясь у власти политик способствовала возникновению определённой тенденции к похолоданию в политических отношениях. Такой силовой вектор привести к негативным последствиям, таким, как сокращение двусторонних научно-исследовательских программ и обмена, снижение финансирования исследований в науке, образовании, культуре и других сферах. В какой-то степени похолодание в двусторонних российско-германских отношениях связано как с негативным влиянием глобального финансово-экономического кризиса и международной политической обстановкой, так и с общим ухудшением отношений между ЕС и Россией. Невзирая на незначительную разбалансировку двусторонних отношений, следует продолжать начатые совместные германо-российские научно-исследовательские, образовательные, культурные программы и проекты, а также особое внимание уделить СМИ, поскольку «информация - это сила, к тому же, современные информационные технологии распространяют информацию быстрее, чем когда-либо в истории» [Федорцев В.А., 2015, с. 77-87].

Итак, германо-российское культурное сотрудничество развивалось на нарастающей, вписываясь в реализуемую обеими сторонами линию на историческое примирение ФРГ и РФ, стимулирование общения между народами двух стран и их углубленное знакомство с культурой, духовными ценностями партнера.

2.3. Перспективы развития российско-германских отношений.

Для того чтобы понять, как в дальнейшем будут развиваться отношения России и Германии, необходимо определить, какие факторы влияют на этот процесс. В самом общем виде все факторы можно разделить на внешнеполитические и внутривнутриполитические.

Внешнеполитические факторы.

Во-первых, это союзы, в которых состоят государства. Будучи членами международных организаций, страны берут на себя международные обязательства о том, что они будут проводить политику в той или иной, в том числе международной, сфере, согласующуюся не только со своими интересами, но и с интересами других стран-участниц союза.

Во-вторых, национальные интересы России и Германии. Внешняя политика имеет целью достижение национальных интересов, традиционно они изложены в доктринальных документах государства. Иногда интересы государств могут пересекаться. Например, Россия и Германия стремятся расширить свое влияние в странах на постсоветском пространстве, это может стать точкой напряжения в отношениях двух стран.

В-третьих, геополитический фактор. Геополитическое положение России и Германии диктует странам определенную линию поведения. Глупо полагать, что такая большая страна как Россия, обладая уникальными природными ресурсами, согласится на роль второстепенной державы. Также и Германия, являясь экономическим гигантом Европы, находясь в самом центре Старого Света, обладая географическим потенциалом, стремится упрочить свое местоположение на международной арене и избавиться от имиджа «проигравшей страны», навязанной ей после Второй мировой войны.

В-четвертых, энергетический фактор. Германия стремится обеспечить

себя энергоресурсами, а Россия позиционирует себя одним из главных поставщиков углеводородов. Данная сфера, безусловно, связывает наши государства, кроме того, здесь возможно создание и развитие совместных проектов.

В-пятых, экономический фактор. Торговля, кредитование, создание франшизных и совместных предприятий давно объединяют Россию и Германию. История показывает, что прочные экономические связи играют одну из ведущих ролей и часто сглаживают противоречия в других сферах.

В-шестых, стремление двух государств к сотрудничеству. Этот фактор является одним из основных. Россия и Германия были «близки» друг к другу не одно столетие, объединение Германии дало еще один импульс к развитию добрососедских отношений, а стремление сохранить данные отношения позволяет находить компромиссные варианты в самых сложных ситуациях.

Внутриполитические факторы.

Во-первых, национальные ценности, культура и традиции. Иногда значение этого фактора принижается, но не стоит его недооценивать. Разные традиции ведения бизнеса или политических дел порой становятся серьезными препятствиями. Следует отметить, что культурное сотрудничество России и Германии имеет давнюю историю. Но все же наши страны относятся к разным культурным общностям - Германия является ярким представителем Западного мира, а мы одинаково тяготеем как к Европе, так и к Азии. Российская непредсказуемость и непостоянство, стремление все разрушать и строить заново кажутся для немцев чем-то опасным и непонятным. Это тормозит углубление сотрудничества.

Во-вторых, внутренняя политика государств. В последнее время мировое сообщество пристально следит за внутренней политикой государств, которая должна неотступно следовать всем предписаниям международного права. Сегодня мнение мировой общественности оказывает давление на проводимую государствами внутреннюю политику. Запад неоднократно критиковал и критикует Россию за ситуацию в Чечне, политику по

отношению к оппозиции, нацменьшинствам, сексменьшинствам и т. д. Данный факт еще раз подтверждает, что существовавшая система безопасности в Европе, а также созданные тогда институты, больше не отвечают требованиям современности.

Тема построения возможных сценариев развития российско-германских отношений у отечественных и зарубежных политологов встречается довольно редко. В основном акцент делается на прошлые или сегодняшние взаимоотношения между странами. Однако некоторые попытки прогнозирования все-таки встречаются.

Еще в 1999 г. российский политолог С. В. Скурихин отметил, что перспективы российско-германских отношений даже на ближайшее будущее остаются неясными. Подобная оценка актуальна и на сегодняшний день, особенно если принять во внимание, что политика является одной из самых непредсказуемых сфер. С. В. Скурихин связывает эту неопределенность с трансформацией роли Германии на международной арене, начавшейся после объединения страны. Изменяется линия поведения ФРГ во внешней политике и в области безопасности. Наглядным примером такой трансформации может послужить изменение роли Бундесвера. Изначально Основной закон закрепил запрет на использование немецкой армии за пределами страны, но участие ФРГ в операции против Югославии в 1990-х гг. продемонстрировало отход от этого запрета. В Директивах по оборонной политике Германии от 2003 г. говорится, что применение Бундесвера в будущем не может быть ограничено ни по интенсивности, ни по географическим критериям. Политическая цель определяет цель, место, длительность и способ применения Бундесвера. Участие Бундесвера в многонациональных операциях может быть обусловлено и необходимостью присутствия в любой точке планеты, и сжатыми сроками, и всем спектром применения вплоть до военных операций высокой интенсивности[Скурихин, 1999].

Принимая во внимание вышесказанное и говоря о перспективах российско-германских отношений, следует учитывать весьма важное

обстоятельство, которое способно оказать самое существенное влияние на их развитие - изменение статуса Германии после ее объединения, изменение ее веса на международной арене и, соответственно, появление и развитие новых тенденций в ее внешней политике и в политике по вопросам безопасности.

В целом же, политика Германии в отношении РФ полна противоречий. С. В. Скурихин отмечает, что «с одной стороны, существует заинтересованность в укреплении экономической и политической стабильности России. <...> С другой стороны, существуют опасения, что стабильная, экономически сильная Россия может быть не только партнером, но и конкурентом Германии» [Скурихин, 1999].

Другой отечественный политолог А. К. Никитин отмечает еще два проблемных вопроса, которые стремится решить ФРГ, чтобы чувствовать себя полноправным членом клуба сильных мировых держав, - запрет на собственное ядерное оружие и тот факт, что Германия не входит в число постоянных членов СБ ООН [Никитин, 2006].

Немецкие политики понимают, что без собственных сил и средств ядерного сдерживания Германия не может в полной мере претендовать на роль великой державы. По словам А. К. Никитина, именно поэтому в конце января 2004 г. околоправительственными структурами Германии и Франции - Германским обществом внешней политики (ДГАП) и Французским институтом международных отношений (ИФРИ) - был обнародован проект совместного стратегического документа в области ядерного сдерживания. «В этом документе содержатся конкретные предложения по совместному применению французского ядерного оружия в граничащих с ЕС регионах, которую представляют потенциальную опасность» [Никитин, 2006, с. 17].

А. К. Никитин также отмечает, что продвигая свои интересы на международном уровне, Германия хотела бы избежать обострения отношений с Россией, в том числе потому, что велико влияние зависимости Германии от поставок энергоносителей из нашей страны.

Но несмотря на длительную историю отношений России и Германии,

западный вектор внешней политики ФРГ является основным, это связано это не только с географическим положением страны, но и с тем, что страна состоит в целом ряде союзов, которые в определенной мере определяют линию поведения Германии. Наиболее знаковыми институтами являются для ФРГ, конечно же, ЕС и НАТО. Европейская сфера деятельности для страны является превалирующей. Кроме того, не надо забывать, что Германия является наиболее мощным, с экономической точки зрения, европейским государством и одним из главных инициаторов и «локомотивов» европейской интеграции.

Однако до сих пор ЕС не создал институт, отвечающий за проведение единой политики безопасности, который смог бы стать альтернативой НАТО. Североатлантический альянс был и остается главным проводником безопасности в Европе. Следует также отметить, что в период объединения Германии натовское руководство практически сразу отказалось рассматривать вариант внеблокового статуса ФРГ и добилось включения бывшей ГДР в натовские структуры. Данный факт наглядно демонстрирует, что для НАТО Германия была и остается центральным элементом европейской безопасности.

Следует отметить, что в российско-германских отношениях свою роль играет натовский фактор. По мнению Н. П. Пархитько, в отношениях с Россией ФРГ придерживается делового подхода, являясь нашим основным экономическим партнером в Европе (наши страны успешно осуществляют целый ряд совместных проектов регионального масштаба, наиболее крупным из них является «Северный поток»). В то же время ФРГ зачастую выступает единым фронтом с США, что нередко осложняет двусторонние отношения между нашими странами. Наиболее наглядным тому примером может послужить официальная позиция, занятая руководством ФРГ в период грузино-югоосетинского конфликта, когда против России была развязана самая настоящая информационная война [Пархитько, 2011].

Российский политолог Н. К. Медин также отмечает, что для Германии

на сегодняшний день отношения с Россией являются производной от российско-американских отношений. Германия часто выступает как посредник между Россией и Западом. «Однако фактически Германия не способна и не намерена разрабатывать компромиссные решения по многим вопросам, которые содержали бы серьезные ответные уступки со стороны западных партнеров» [Меден, 2009, с. 123]. Например, в плане Ф.-В. Штайнмайера в августе 2008 г. был заведомо неприемлемый для абхазской (следовательно, для российской) стороны пункт - возвращение беженцев на территорию Абхазии. «Германия стремится закрепить за собой роль ключевого, но никоим образом не особого партнера России на Западе» [там же, с. 124].

Чтобы построить партнерские отношения, основанные на взаимном доверии, необходимо понимать партнера и разделять с ним не только общие интересы, но и ценности. Совершенно очевидно, что с этой точки зрения, западноевропейские страны, а также США, более близки ФРГ, чем Россия. Поэтому в обозримом будущем Германия ни за что не пойдет на слом сложившихся европейских и атлантических интеграционных институтов, ради какого бы то ни было альянса с Россией. Н. В. Павлов отмечает, что стратегическое партнерство предполагает наличие, прежде всего, совместных интересов и, соответственно, определенного поля взаимодействия для их реализации. Партнерство предполагает наличие взаимопонимания и на его основе - доверия, а также взаимной терпимости и прозрачности в своей деятельности. А это означает предсказуемость политики [Павлов, 2014]. И если общие интересы у наших стран, несомненно, присутствуют, то ощущается острый дефицит в площадках для их реализации. Без сомнения, существующие между Россией и Германией механизмы взаимодействия не совсем одно и то же, что существует у Германии с западными странами.

Создание некоего «стратегического союза» между Россией и Германией в обозримом будущем весьма затруднительно, если вообще достижимо. Как отмечает Л. Г. Истягин, время от времени в прессе и в дипломатическом

обиходе появляются многообещающие формулировки, вроде «стратегического партнерства» между Берлином и Москвой. Но проходит время, и с очередным кризисным затруднением в европейских делах за громкой фразой обнаруживается очень скромное содержание, а то и совсем пустое место [Истягин, 2009].

Л. Г. Истягин считает, что ФРГ в несколько предстоящих десятилетий будет придерживаться американской позиции по линии обеспечения безопасности, а по линии хозяйственных и политикоценностных отношений - курсу на евроинтеграцию в рамках ЕС. «Отношениям с Россией при такой ориентации придается относительно второстепенное, хотя по ряду аспектов, особенно энергетических, и существенное значение» [Истягин, 2009, с. 100]. Таким образом, отдаления Германии от своих союзников по западной системе блоков, или структурно-институциональное вхождение России в эти союзы, маловероятно. Формирования двух сторонних или коалиционных блоков того или иного характера между Россией и Германией ожидать также не приходится.

Позитивным сценарием развития событий Л. Г. Истягин считает сближение двух стран без существенного изменения нынешних институциональных и структурных матриц, имеющих и складывающихся центров силы. В предстоящие годы возможно продвижение в сфере выработки общих подходов и усилий по вопросам, имеющих значение для жизненных интересов обеих стран и их союзников (от противодействия терроризму, защиты природы, прав человека и культурного сотрудничества - до ограничения вооружений, контроля над ними, общей демилитаризации народного хозяйства и общественной жизни).

Нынешняя Германия, по инерции, скорее всего, предпочтет не проявлять особенной активности и в этом направлении. Можно предположить, что она будет злоупотреблять тактикой ожиданий, оглядок на европейских и заокеанских коллег. «До сих пор мотивация углубления отношений с Россией, хотя и ощущалась, никогда даже отдаленно не

выдерживала в глазах влиятельных германских элит сопоставления с выгодами атлантизма и европоинтегризма» [Истягин, 2009, с. 102].

Принимая во внимание вышеизложенное определение политического прогнозирования и примеры политических сценариев развития событий, попытаемся изложить свой взгляд на возможное будущее в отношениях двух стран.

Если предположить, что и дальше будут сохраняться наблюдаемые сегодня тенденции, то с высокой долей вероятности, можно сказать, что прорывных шагов в отношениях между Россией и Германией не предвидится. Принимая во внимание экономические проблемы ЕС и проблемы самой Германии, скорее всего ФРГ пока сосредоточится на решении внутренних проблем, и новых инициатив во внешней политике проявляться не будет. Кроме того, сдерживающим фактором в двухсторонних отношениях является тот факт, что ФРГ не намерена вести внешнюю политику, идущую в разрез с политикой НАТО и США. Анализ доктринальных документов ФРГ показывает, что для Германии приоритетными являются отношения с Альянсом. Более того, Германия не станет создавать стратегические партнерские отношения с Россией в экономической сфере, потому что существует установка лидеров западного капитала на преграждение российскому капиталу выхода на поля равноправной конкуренции (пример: срыв сделки по покупке российской стороной акций концерна «Опель»).

Продолжая играть роль «адвоката» России на Западе, Германия, тем не менее, не будет стремиться к углублению взаимоотношений и переводу их на новый уровень. При отсутствии кардинальных изменений и политических потрясений, между странами в ближайшей перспективе будут развиваться добрососедские отношения, основанные, вероятнее всего, на базе торговых отношений (Россия является надежным поставщиком газа в Германию и важным рынком сбыта немецкой продукции).

Также не надо забывать, что процесс трансформации Германии, начавшийся после объединения страны, еще не завершен. Повышение

экономической и политической роли ФРГ в мире ведет к зарождению еще одного полюса силы. В настоящее время немецкое правительство следует проамериканскому курсу, но существует вероятность того, что постепенно Германия начнет избавляться от влияния США и стараться выстраивать свой независимый курс. Это повлечет изменение качества российско-германских отношений и возможность образования более тесного партнерства. Кроме того, снижение американской вовлеченности в европейские дела, особенно в оборонной сфере, может благоприятно повлиять на характер обсуждения создания новой системы европейской безопасности (например, более тщательное рассмотрение предложений президента РФ о заключении нового Договора о евроатлантической безопасности).

Германия является геополитическим и экономическим гигантом в центре Европы, который намерен играть ведущую роль в создании новой системы европейской безопасности. Руководство ФРГ также понимает следующее: для того чтобы новая система стала прочной и долговечной, нельзя исключать Россию из этого процесса. Поэтому немецкие политики стремятся избегать обострений в отношениях двух стран, кроме того, для прочных отношений между государствами существует добротный базис из поставок энергоносителей, огромного количества точек соприкосновения в экономической, культурной и политической сферах.

Сегодня уже мало кто вспоминает о российско-германском стратегическом партнёрстве, а планы развития отношений между Москвой и Берлином на ближайшую перспективу определяются в лучшем случае формулами «восстановление доверия» и «поддержание диалога». В реальности же мы имеем взаимный санкционный режим и активизацию Североатлантического альянса, который через демонизацию России вновь обрёл смысл существования.

Впрочем, однозначное утверждение о том, что ниспадающий тренд — это единственно возможное будущее российско-германских отношений, было бы как минимум преждевременным. Скорее можно говорить о состоянии

неопределённости, обусловленной в первую очередь противоречивостью факторов и интересов, воздействующих на политику Берлина, причём не только в отношениях с Россией. «Новый германский вопрос», ставший актуальным в последние несколько лет, все ещё остаётся без ответа.

Германия в настоящее время не имеет какой-либо ясной политической стратегии в отношении России, скорее здесь можно говорить о тактике и наборе определённых «установок».

Политика Германии в отношении России отличалась достаточно заметной непоследовательностью: Берлин балансировал между позициями сторонников жёсткой и мягкой политических линий в отношении Москвы, склоняясь в своих действиях то в одну, то в другую сторону. Германия относительно быстро — в июне 2014 г. — и раньше ряда других стран ЕС, например Италии, согласилась на введение экономических санкций против России. Но в то же время она выступила против размещения существенных боевых сил НАТО в Прибалтике и Польше, возможности принятия Украины в эту организацию и поставок Киеву вооружений, что вызывало резкую критику со стороны ряда партнёров по ЕС и привело к конфликту с «ястребами» в американской политической элите.

В июне 2014 г. эксперт Фонда Карнеги У. Шпек назвал немецкую политику в отношении России «игрой в плохого и хорошего полицейских», которых, соответственно, персонифицируют жёстко настроенная в отношении Москвы канцлер А. Меркель и сторонник более мягкого курса — министр иностранных дел Ф.В. Штайнмайер. Однако У. Шпек признаёт, что эта игра является не столько продуманной стратегией, сколько результатом объективно присутствующих в немецкой политической элите противоречий.

В вопросе о политике в отношении России в Берлине традиционно присутствуют два различных подхода, сторонников которых с достаточной долей условности можно обозначить как критиков и адвокатов. Для последних в Германии также существует специфический термин понимающие Россию, или *Russlandverstehher*.

Позиция критиков сфокусирована в первую очередь на вопросах демократии и прав человека в России, а в ходе украинского кризиса к ним добавились требования жёсткого соблюдения Москвой международно-правовых норм. Адвокаты же выступают за основанный на взаимных интересах и выгодах конструктивный и отчасти компромиссный подход к отношениям. Возможность для компромисса они видят и в таких спорных вопросах, как присоединение Крыма к России. Так, например, бывший советник канцлера В. Брандта Э. Бар предлагал признать новый статус полуострова не де-юре, но де-факто, что позволило бы устранить препятствие для нормализации отношений с Россией.

Однако, как представляется, расхождение во взглядах внутри политической элиты Берлина является не единственной причиной неопределённости текущей российской политики Германии. Помимо этого здесь действует целый ряд факторов, среди которых наиболее важными представляются как минимум три.

Во-первых, сохраняющаяся зависимость немецкой экономики от России, прежде всего это касается жизненно важных поставок энергоресурсов. Российский рынок также остаётся важным для Германии, и потери, которые несут немецкие экспортёры из-за сокращения объёмов торговли вследствие санкций и спада конъюнктуры, достаточно существенны. Но всё же они не являются катастрофическими: Германия сегодня компенсирует потери наращиванием экспорта на другие рынки, например в США и страны ЕС.

В 2013 г. Россия обеспечивала 34,8 % немецкого импорта нефти и 34,1% — природного газа, и найти другие источники поставок, а также обеспечить под них необходимую инфраструктуру в ближайшей перспективе вряд ли возможно.

Во-вторых, Германия несёт обязательства в рамках НАТО и ЕС, а также двусторонних отношений с США, что является существенным ограничителем для её внешнеполитических действий. Берлин должен учитывать мнение

своих партнёров, а в случае необходимости демонстрировать солидарность и поддерживать единую позицию. При этом лидерство в Евросоюзе повышает не только влияние, но и обязательства Германии: сегодня она имеет крайне ограниченные возможности высказать «особое мнение» и вынуждена выступать во многих случаях в роли медиатора, создавая основу для компромисса в процессе принятия решений, что в случае принимаемых в ЕС единогласно внешнеполитических решений является необходимым условием.

В-третьих, в Берлине достаточно хорошо осознают все риски, связанные как с эскалацией украинского конфликта, так и с усилением конфронтации с Россией. И значение здесь имеют не только соображения жёсткой безопасности и обеспечения бесперебойного транзита энергоресурсов. Для Германии важна стабильность архитектуры безопасности в Европе, базирующейся на прочной нормативной основе и способной предупреждать возникновение серьёзных конфликтов. Стабильность на Европейском континенте является необходимым условием для реализации долгосрочной стратегической цели Германии — выведения Евросоюза в лигу глобальных игроков. В случае же возникновения новых кризисных точек в Европе и нарастания конфронтации Запада с Россией ЕС рискует быть втянутым в реализацию политики сдерживания и «завязнуть» на региональном уровне.

При этом немецкие эксперты полагают, что неспособность ЕС справиться с конфликтами в своём регионе крайне негативно скажется на его имидже и доверии к нему как к серьёзному внешнеполитическому игроку. Кроме того, нестабильность в сфере безопасности будет оказывать негативное влияние на экономическую конъюнктуру, что для Германии, чьё влияние выстраивается не на силе, а на экономике, является крайне важным моментом. Исходя из этих соображений, Берлин в настоящее время пытается предотвратить усиление конфронтации с Россией и сохранить существующую систему европейской безопасности, что, впрочем, не исключает её реформирования. Отсюда повторяемый на протяжении всего

украинского кризиса Штайнмайером и другими немецкими политиками тезис о том, что безопасность в Европе не может быть построена без России и против России, а также ставка на ОБСЕ, где основными приоритетами для Германии на период её председательства в 2016 г. должны стать укрепление возможностей Организации в сфере кризисного предупреждения и урегулирования, что относится не только к украинскому конфликту, но и к другим потенциальным конфликтным регионам, а также восстановление доверия между странами, в том числе и модернизация Венского документа.

Данные, а также некоторые другие факторы (например, понимание значения и роли России в решении важных международных проблем, существенные расхождения в позициях внутри Евросоюза, настроенное резко пацифистски общественное мнение внутри Германии) определяют внешнюю неоднозначность и отчасти противоречивость текущей «российской политики» Берлина.

По сути, после «крымского кризиса» эта политика заключается в так называемой «двойной стратегии», в рамках которой Германия пытается сочетать относительно жёсткие ответные меры на действия России, не допускающие, впрочем, перехода «точки невозврата», с демонстрацией готовности к диалогу и определёнными встречными шагами по нормализации отношений. Достаточно наглядной иллюстрацией здесь может послужить визит А. Меркель в Москву 10 мая 2014 г., который, хотя и не прямо, но нарушил объявленный России бойкот со стороны Запада. При этом, отдав дань памяти павшим советским воинам, канцлер выбрала наиболее жёсткую формулировку для ритуальной фразы про аннексию Крыма, назвав её «преступной».

Эта «двойная стратегия» Германии определяется сочетанием необходимости реагировать на действия России, в том числе и под давлением США и партнёров по ЕС, с пониманием нежелательности и невозможности длительной конфронтации. Так, например, спикер фракции СДПГ в бундестаге Н. Аннен высказывался в июле 2015 г. о том, что не уверен в

готовности по обе стороны Атлантики поддерживать состояние текущего конфликта с Россией в течение длительного времени.

При этом вполне можно предположить, что для Берлина «двойная стратегия» изначально носила временный характер и была рассчитана на относительно короткий кризисный период, после которого возможно будет вернуться к прежней модели отношений, как это произошло после конфликта в Южной Осетии в 2008 г. Однако на этот раз кризис не только затянулся, но и принял непредвиденный характер. События лета 2014 г. на Востоке Украины на фоне наблюдающегося на Западе непонимания мотивов и действий России породили в Берлине серьёзные сомнения в том, что в отношениях с Москвой возможно возвращение к *business as usual*. Существенную роль сыграло и достаточно явное внешнее информационное воздействие, направленное на то, чтобы подтолкнуть Германию к более решительным действиям.

Уже осенью 2014 г. в Германии как на экспертном, так и на партийном уровнях наблюдались попытки сформулировать новую стратегию политики в отношении России, но до настоящего момента единой концепции представлено не было, а основные идеи, высказываемые в связи с этим, фактически сводятся к различным вариациям той же «двойной стратегии».

Так, в феврале 2015 г. руководство СДПГ приняло постановление «Новая восточная политика и политика разрядки», содержащее тезисы относительно внешней политики Германии в ходе украинского кризиса и дальнейших отношений с Россией. С одной стороны, Россия в этом документе осуждалась за «аннексию Крыма и военную инфильтрацию на Восточную Украину», а на российское правительство возлагалась основная вина за эскалацию напряжённости. Высказывалась поддержка решениям саммита НАТО в Уэльсе и решениям ЕС по санкциям в отношении России. С другой стороны, в качестве одного из стратегических пунктов политики предлагалось широкое видение перспективы, выходящее за горизонт сегодняшней конфронтации и позволяющее осознать «долгосрочные

интересы контрагентов, в настоящее время выдавленные из поля зрения». В документе признавалось, что «обеспечение мира возможно только в том случае, если мы сможем вернуться к политике сотрудничества с Россией на основе международных и европейских принципов, которая признавала бы легитимные интересы всех участников».

В то же время в конце 2014-го — начале 2015 г. среди ведущих политических экспертов Германии получает распространение идея принять в качестве образца для новой стратегии политики ЕС и НАТО в отношении России так называемый «доклад Армеля» 1967 г., в котором была предложена стратегия в отношениях Запада с СССР, сочетающая инструменты сдерживания и разрядки. Так, в частности, об этом писали М. Кайм, Х. В. Мауль, К. Вестфаль из Фонда «Наука и политика», У. Кюн из Института исследования проблем мира и политики безопасности при Университете Гамбурга, члены рабочей группы по международной политике безопасности Фонда Эберта и др. Некоторые авторы тоже рассматривают, по сути, аналогичный подход, избегая, впрочем, ассоциаций с периодом холодной войны и предлагая в качестве определений такие термины, как, например, *contingement* (от *containment* и *engagement* — сдерживание и вовлечение) или *kooperative Konfrontation* (кооперативная конфронтация).

Идея использовать «доклад Армеля» в качестве основы для отношений с Россией нашла поддержку и среди политиков, причём как в ХДС/ ХСС, так и в СДПГ. В этом ключе высказывались, например, не только внешнеполитические спикеры обеих фракций Х. Отте и Н. Аннен, но и министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер. Выступая в июне 2015 г. с речью по поводу 60-летия вступления ФРГ в НАТО, Штайнмайер указал на предложенную в 1967 г. П. Армелем стратегию и понимание безопасности как суммы обороны и разрядки, как на актуальные в текущей политической обстановке.

То, что данный подход получил достаточно широкую поддержку в Германии, причём у экспертов и политиков с существенно расходящимися

политическими взглядами (от убеждённых евроатлантистов до сторонников развития конструктивного сотрудничества с Россией), не вызывает удивления. Закрепляя текущую «двойную стратегию» Берлина в отношении Москвы, новая «доктрина Армеля» способна стать достаточно гибким инструментом для формирования компромисса по поводу «российской политики» как внутри самой Германии, так и на уровне ЕС и НАТО. Теоретически сочетание сдерживания, под которым понимается в первую очередь демонстрация твёрдого намерения пресечь любые возможные действия России по нарушению существующего международного порядка и поддержка восточных стран НАТО, и разрядки или «вовлечения», допускающих широкое поле для сотрудничества вплоть до выстраивания новой общей с Россией системы безопасности (ОБСЕ 2.0), способно удовлетворить сторонников различных подходов к России, предоставив каждому поле для деятельности.

Как отмечают эксперты рабочей группы Фонда Эберта, если понимать тезис Штайнмайера («Безопасность в Европе невозможна без России и против России») как «безопасность в Европе возможна только с Россией», то станет понятно, что последний вариант («с Россией») предоставляет широкое поле для манёвра и при этом не исключает временного усиления санкций, долгосрочного присутствия войск НАТО в Европе и длительного охлаждения в отношениях.

Но в то же время данный подход, по крайней мере на текущем этапе, ещё не вылился в сформулированную стратегию с чёткой внутренней структурой. Он допускает достаточно разные толкования, в первую очередь в части баланса между сдерживанием и разрядкой, а также конкретных действий и инструментов по их реализации, и тем самым сохраняет поле для противоречий между «ястребами» и «голубями» в вопросе отношений с Россией. Так, например, литовский министр иностранных дел Л. Линкявичус опубликовал в июне 2015 г. в «Уолл стрит джорнал» статью «Разрядка в отношениях с Россией сегодня не работает», в которой фактически

высказывался против восстановления отношений с Москвой и предостерегал от того, чтобы толковать «доклад Армея» исключительно как стратегию сотрудничества: «Некоторые в Европе обращаются к докладу Армея, считая его способным дать урок для сегодняшней ситуации. Однако следует извлекать правильные уроки. Основной пункт Армея в вопросе восстановления отношений заключался в том, что „разрядка не является окончательной целью». Приоритетом, как он говорил, является укрепление «западного альянса».

Исходный «доклад Армея» действительно был направлен в первую очередь на то, чтобы преодолеть наметившееся в тот период расползание Североатлантического альянса из-за внутренних противоречий и роста заинтересованности ряда европейских членов организации в развитии отношений, в первую очередь экономических, с СССР и восточным блоком. Немецкая исследовательница Х. Хафендорн отмечала: «Доклад Армея подтверждал политическую концепцию Соединённых Штатов. Перед лицом продолжающих существовать конфронтационных структур биполярного мира и советской угрозы Североатлантический альянс должен был быть сохранён в качестве центрального организационного института западного лагеря. Подозрение французов о том, что США желали стабилизировать своё положение в качестве доминирующей силы в Западной Европе, при этом сделав его совместимым со своими обязательствами в Юго-Восточной Азии, и посредством централизованного контроля над ядерными вооружениями исключить возможность нежелательной войны в Европе».

Между текущей ситуацией и ситуацией 1967 г. можно также провести определённые параллели. Тогда, как и сегодня, одной из основных задач для США было укрепление НАТО и передача значительной части ответственности за региональную безопасность европейцам при одновременном смещении основного фокуса внимания американской политики в Азиатский регион. Поэтому вполне обоснованным является и предположение о том, что для сегодняшних задач могут быть использованы

уже проверенные на практике методы, а именно — предложенная П. Армелем стратегия, тем более что она один раз уже продемонстрировала свою эффективность.

Некоторые эксперты в своих работах предлагают такую формулировку «новой доктрины Армеля», которая практически в точности воссоздаёт условия холодной войны. Речь в данном случае идёт не о сочетании сдерживания и «вовлечения» или разрядки, а скорее о сдерживании при необходимом или вынужденном сотрудничестве. Причём в качестве одного из основных исходных тезисов принимается утверждение о том, что Россия окончательно свернула с пути интеграции в западный мир, её политика становится непредсказуемой, а государственная идеология всё больше базируется на апелляциях к национализму, реваншизму и отрицании западных ценностей. Подобной точки зрения придерживаются, в частности, упомянутые выше Кайм, Маулль и Вестфаль, а также М. Дембински, Х.-Й. Шмидт и Х.-Й. Шпрангер из Гессенского фонда исследований проблем мира и конфликтов.

Но в то же время данные эксперты считают, что серьёзный разрыв отношений между Россией и Западом в сегодняшних условиях невозможен по объективным причинам, поэтому сотрудничество с Россией должно быть хотя и ограничено, но сохранено там, где оно необходимо и неизбежно: в первую очередь в сфере энергетики и экономики, межобщественных контактов, а также в решении проблем, представляющих обоюдный интерес, в частности в выстраивании системы общих правил в сфере безопасности. При этом допускается и даже определяется в качестве важного элемента принцип невмешательства во внутренние дела, отказ от политики смены режимов и признание идеологического плюрализма (при условии, как отмечают в частности Дембински, Шмидт и Шпрангер, называющие свой подход «стратегией огораживания», соблюдения минимальных стандартов прав человека и гражданских свобод).

Принятие подобной концепции «российской политики», по сути,

реконструирующей модель отношений между двумя блоками в период последних двух десятилетий холодной войны, выглядит вполне оправданной с точки зрения западных «ястребов» и сторонников изоляции России от Евросоюза. Признание принципиального идеологического различия между Западом и Россией способно создать благоприятную почву для развития взаимного антагонизма в этой сфере и стать серьёзным барьером между ЕС и Россией. При этом принцип невмешательства во внутренние дела, подкреплённый со стороны Запада инструментами сдерживания, на фоне установления жёстких правил в сфере безопасности создаёт благоприятные условия для постепенного и ничем не нарушаемого углубления интеграции Грузии, Молдавии и Украины с западными структурами. Такое развитие событий, в отличие от сценария усиления конфронтации, не требует создания крепкого западного блока, сосредоточенного в первую очередь на вопросах «жёсткой безопасности», а следовательно, не требует и форсированного полноценного включения указанных трёх стран как минимум в НАТО, а возможно — и в ЕС, что было бы связано с серьёзными издержками, как политическими, так и финансовыми.

Одновременно решается и задача укрепления НАТО и усиления связей внутри Запада. Причём, как отмечалось выше, теоретически модель «двойной стратегии» в отношениях с Россией способна снять противоречия между сторонниками «жёсткого» и «мягкого» подходов. В рассматриваемом сценарии последние могут получить значительное поле для деятельности, прежде всего в сфере экономики и выстраивания системы безопасности.

Тем не менее для реализации данного подхода на практике его сторонникам необходимы аргументы, утверждающие необходимость значительного усиления в рамках «двойной стратегии» сдерживающего компонента за счёт компонента разрядки. Так, например, Линкявичус в процитированной выше статье обосновывает свою точку зрения именно исходящими от России угрозами. И, как представляется, именно раздувание темы российской угрозы для стран Прибалтики и ЦВЕ способно создать те

аргументы, которые требуются для обоснования преваляирования «сдерживающего компонента» в отношениях с Россией.

Однако многие сегодня достаточно скептически относятся к подобной аргументации. Как отмечает Н. Аннен, в Германии и ряде других стран ЕС не вполне понимают временами чрезмерно агрессивную антироссийскую риторику прибалтийских и восточноевропейских членов Евросоюза. Тем не менее, по словам немецкого политика, Берлин принимает во внимание их опасения, сформировавшиеся под влиянием исторического опыта, и считает возможным достичь определённого баланса интересов с тем, чтобы сформировать единую позицию, но при этом чётко очерчивая границы этого баланса. Германия готова принимать меры подтверждения безопасности для стран Прибалтики и ЦВЕ (reassurance) в качестве компонента сдерживания в рамках «двойной стратегии», но в то же время полагает, что инициативы, подобные предложению поставок вооружений на Украину, являются контрпродуктивными и не могут быть приняты.

Складывается впечатление, что в Берлине всё же склоняются к более мягкому варианту «новой доктрины Армеля», делая ставку на компонент разрядки и рассматривая сдерживание скорее как вынужденную уступку тем странам, которые выражают повышенные опасения по поводу якобы существующей российской угрозы. В пользу данного предположения говорят и проявившиеся во второй половине 2015 г. признаки некоторого улучшения отношений между Москвой и Берлином: подписан ряд документов по проекту строительства «Северного потока II», после перерыва был проведён «Петербургский диалог», состоялись визиты в Москву вице-канцлера З. Габриеля и делегаций членов бундестага, в Германии всё громче стали говорить о необходимости отмены экономических санкций в отношении России.

Очевидно, что в настоящее время Берлин нацелен на развитие диалога с Москвой, но в какой степени и в каком виде он готов восстанавливать сотрудничество, как видит развитие отношений в средне- и долгосрочной

перспективе, пока не вполне понятно. Судя по всему, чёткого понимания перспектив нет и в самой Германии, тем более что ситуация в отношениях России и Запада по-прежнему далека от стабилизации, а политика Берлина существенно зависит от позиции его партнёров по ЕС и США.

Впрочем, «двойная стратегия», которой сегодня придерживается Германия, в любом её виде, «мягком» или «жёстком», вряд ли способна стать основой для стабильных долгосрочных отношений. Сочетание сдерживания, которое не может не быть взаимным, и сотрудничества — это модель периода холодной войны, и не важно, используется ли полноценный или «облегчённый» её вариант. Кроме того, ключевые проблемы, которые, собственно, и привели к возникновению сегодняшнего конфликта между Россией и Западом, по-прежнему остаются нерешёнными, и на этом фоне реализация политики сдерживания будет только усиливать и без того достаточно высокий конфликтный потенциал.

Но следует признать, что для Германии и ЕС в ближайшей перспективе вряд ли существует какая-либо альтернатива «двойной стратегии». По сути, на сегодня это единственная реальная возможность сохранить относительное единство в крайне спорном вопросе «российской политики» и выработать здесь хоть какую-то общую политическую линию. Активное обсуждение сегодня «новой доктрины Армеля» или схожих подходов показывают, что ничего принципиально нового, кроме выбранной ещё в период «крымского кризиса» «двойной стратегии», здесь предложить вряд ли возможно. Вопрос заключается лишь в отдельных элементах и, главное, в пропорциональном соотношении компонентов сдерживания и разрядки, способном удовлетворить всех или, по крайней мере, большинство.

Для России это, безусловно, не самый лучший вывод, однако он ещё не является поводом для того, чтобы отказываться от развития диалога. Для российской политики на европейском направлении представляются важными как минимум две задачи. Во-первых, это не дать втянуть себя в очередной виток конфронтации (а таких попыток вполне можно ожидать). С точки

зрения США и некоторых европейских стран реконструкция условий холодной войны в Европе является вполне желательным сценарием развития событий. А во-вторых, использовать время для формирования базисных структур и инструментов сотрудничества уже на новых основах. И ключевое значение здесь, как представляется, будет иметь укрепление ОБСЕ, а также развитие диалога по линии ЕАЭС — ЕС.

Необходимо добавить, что хотя российско-германский двусторонний трек и будет продолжать играть важную роль, в том числе и для отношений с Евросоюзом, характер его будет меняться. Уже сейчас вполне очевидно, что Германия в своих отношениях с Россией выступает не как одна из стран, а как лидер Евросоюза, и в этом есть принципиальное различие. Новая роль предоставляет Берлину существенные возможности, но в то же время накладывает серьезные ограничения, главным из которых является сужающееся поле для проведения сепаратной политики. В спорных вопросах Германия сегодня может использовать своё влияние, но практически не способна заявить «особое мнение». Поэтому России, выстраивая отношения с Берлином.

В заключение хотелось бы привести слова одного из ведущих политологов и специалиста в сфере российско-германских отношений И. Ф. Максимычева. Его прогноз кратко и емко описывает позитивное будущее России и Германии, и автор работы с ним полностью согласен. «Подводя итог столетию германо-российских войн и конфликтов, можно с определенной долей уверенности предположить, что на будущее исключается вооруженное столкновение или противостояние на грани вооруженного столкновения между обеими странами (т. е. “горячая” и “холодная” война)» [Кокеев, 2009, с. 21-27].

Многочисленные претензии, которые выдвигались к России по поводу использования газа как инструмента политического давления, Запад теперь может обратить в собственный адрес. ФРГ впервые официально выдвинула России требования для реализации проекта «Северный поток – 2», и по

крайней мере одно из них носит чисто политический характер. Разумеется, связанный с Украиной

Германия готова поддержать проект «Северного потока – 2» при соблюдении трех ключевых условий, заявил вице-канцлер и министр экономики и энергетики ФРГ Зигмар Габриэль. Во-первых, он должен соответствовать существующим в ЕС правилам, во-вторых, не должен каким-либо негативным образом повлиять на транзит газа через Украину, в-третьих, не должен препятствовать поставкам газа в Восточной Европе.

Габриэль подтвердил то, что и так было уже понятно: третий энергопакет ЕС не имеет отношения к проекту «Северный поток – 2». «У нас есть четкая правовая позиция, и я уверен, что ее разделяет юридическая служба ЕК. Она заключается в том, что газопровод не подпадает под действие пакета законов, функционирующих на внутреннем рынке ЕС», – цитирует его слова агентство Bloomberg. «Северный поток – 2», равно как и первая труба, не идет по территории ЕС, поэтому не подпадает под действие европейских законов.

Интересно, что Габриэль уверяет, что, с позиции Германии, «Северный поток – 2» является вопросом, который нужно оценивать с экономической точки зрения, а не с политической. При этом выставляемые одновременно с этим условия имеют явный привкус политики.

Такие заявления немецкий представитель сделал перед встречей представителей Германии и Европейской комиссии (ЕК), которая прошла в среду в Берлине. На ней обсуждались вопросы по газопроводам в системе «Северный поток». Участие приняли сам министр и европейский комиссар по вопросам климата Мигель Ариас Каньете.

Сами переговоры нового ничего не добавили. Позиция Берлина в отношении условий поддержки проекта газопровода «Северный поток – 2» остается неизменной,

Проект «Северный поток – 2» предполагает строительство двух ниток газопровода общей мощностью 55 млрд кубометров газа в год от побережья

России через Балтийское море до Германии. Газпрому будет принадлежать 50% в проекте, европейским компаниям OMV, BASF, Engie, Shell, Uniper (выделена из E.ON) – по 10%. Новый трубопровод планируется построить рядом с «Северным потоком».

Конечно, «Северный поток», бесспорно, один из наиболее крупных европейских инфраструктурных проектов с использованием частных инвестиций, а с учетом нынешнего экономического спада, инвестирование в проект «Северный поток» становится благоприятным фактором, как для Европы, в целом, так и для Германии и России, поскольку это будет способствовать созданию новых рабочих мест. К тому же, «Северный поток» является наиболее детально проработанным из всех газовых инфраструктурных проектов, объявленных Евросоюзом «отвечающими интересам всей Европы».

В качестве вывода, стоит отметить, что проект «Северный поток» открывает новые горизонты энергетического сотрудничества, как одной из составляющих стратегического партнерства между Россией и Германией, а активное развитие инфраструктуры на базе газопровода, позволит не только укрепить европейскую энергетическую безопасность, но и обеспечит устойчивое развитие Старого Света.

Заключение

Тенденции развития системы международных отношений оказали существенное влияние на внешнюю политику ФРГ – как на ее участие в многосторонних связях, так и на отношения с Российской Федерацией. Рассмотренный период можно с известной долей условности подразделить на три этапа: становление однополюсной системы (90-е годы XX в.), господство ее жесткой модели (первая половина 2000-х годов) и переход к варианту мягкой монополярности (середина нулевых годов XXI в. – 2008 г.).

Изучение статусных позиций ФРГ на международной арене показало, что она входила в круг развитых держав мира, будучи глубоко интегрированной в самые влиятельные международные организации, где ее положение постепенно укреплялось. Этому способствовали такие факторы, как значительный вклад ФРГ в финансовое обеспечение их деятельности, участие в акциях гуманитарного и военного характера, проводившихся под эгидой ООН, НАТО, ОБСЕ, ЕС. В период 1991–2008 годов объединенной Германии удалось зарекомендовать себя в качестве надежного и ответственного партнера, способного адекватно реагировать на самые сложные вызовы современности. По мере приобретения уверенности в своих силах официальный Бонн – позднее с большей степенью эффективности Берлин – не только расширил германское военное присутствие в различных регионах мира, но и стремился к тому, чтобы играть в многосторонних операциях не последнюю роль. Участие в них подразделений бундесвера обеспечивалось с юридической точки зрения путем соответствующего решения государственных органов (бундестага и федерального правительства), опиравшихся на Основной закон и акты Федерального конституционного суда ФРГ.

Германское государство без спешки, методично и настойчиво

нащупывало свой путь в новых условиях, одновременно занимаясь поиском оптимальных путей реализации национальных интересов в рамках международной системы. Сказывался немецкий менталитет, в соответствии с которым население, в первую очередь, требовало от федеральных властей предоставления гарантий безопасности. Хотя противостояние военно-политических блоков ушло в прошлое, ФРГ столкнулась с новыми глобальными проблемами, преодолеть которые собственными силами она не могла. Зная об ограниченности своих ресурсов и признавая сложившуюся в постбиполярный период иерархию мировых акторов, Германия пережила в 90-е гг. XX в. адаптационный период, содержанием которого стали такие взаимосвязанные процессы, как дискуссия по вопросу о новейшей модификации интересов ФРГ в постбиполярном мире и степени их встроенности в контекст ведущих европейских и глобальных трендов, а также первые осторожные шаги в области безопасности и внешней политики.

Рост ее амбиций произошел на рубеже XX – начала XXI вв., причем катализатором данного процесса явилась смена правящей коалиции. Новое руководство страны в лице СДПГ и партии Союз 90 стремилось отстроиться от своих предшественников в лице консервативно-либерального блока ХДС/ХСС–СвДП, с первых шагов утвердить свое право на управление страной. Целевой аудитории внушалась мысль о «красно-зеленой» коалиции как силе, способной вывести ФРГ на новые рубежи развития. Этим объясняются принципиальные различия в содержании имиджевых компонентов Берлинской и Боннской республик, где первая выглядела привлекательнее и перспективнее.

Демонстрируя наступательный характер своей реакции на вызовы современности, лидеры проявили повышенную активность при обсуждении глобальным сообществом проблем мира и безопасности. Однако эффективность деятельности новой правительственной коалиции оказалась невысокой. Ей не удалось решить сколько-нибудь серьезных вопросов внутри страны, наоборот, к середине 2000-х годов социально-экономические

проблемы в ФРГ нарастали, популярность СДПГ падала, что в итоге вынудило правящие круги пойти на досрочные выборы в бундестаг.

Официальный Берлин проявил политическую гибкость, решая вопрос о своем участии в антитеррористической операции против талибов на территории Афганистана и военной акции США и их союзников в Ираке. Если в первом случае подразделения бундесвера оказались задействованными, то во втором Германия, исходя из понимания национальных интересов, отказалась поддержать агрессивный курс Вашингтона с помощью силовых ресурсов. Вместе с тем это не принесло коалиции социал-демократов и «зеленых» серьезных выгод, более того, вызвало предсказуемо негативную реакцию Соединенных Штатов и отрицательно сказалось на трансатлантическом партнерстве.

Обнаружились изъяны в позиции, занятой Берлином по вопросу нераспространения оружия массового уничтожения и ядерных материалов. Попытка Германии сыграть роль посредника в отношениях между членами «ядерного клуба» и неядерными державами не была подкреплена соответствующим ресурсным обеспечением, а потому не имела серьезных шансов на успех.

«Большая коалиция» в лице ХДС/ХСС–СДПГ уступала предшествующим правительственным блокам в мобильности и соответственно скорости принятия управленческих решений. Однако сомнения в ее жизнеспособности вскоре развеялись, после того как федеральное правительство во главе с канцлером А. Меркель осуществило на мировой арене ряд весомых шагов. Несмотря на серьезное давление со стороны германской антивоенной оппозиции, подразделения бундесвера в Афганистане были усилены. Спектр задач, поставленных перед немецкими военнослужащими, расширился, что, в отличие от 1990-х годов, уже не воспринималось общественным мнением ФРГ как вторжение в область, запретную для немцев.

Многочисленные факты свидетельствовали о росте участия

объединенной Германии в деятельности международных организаций. При этом любое федеральное правительство, независимо от своего партийного состава, стремилось учитывать исторический опыт пребывания ФРГ в конкретной организации, равно как и степень адаптированности ее механизма к достижению интересов Германии. С этой точки зрения масштабность деятельности ФРГ в международных организациях оказалась различной. Ключевыми инструментами, с помощью которых осуществлялась реализация ее внешнеполитических задач, являлись ООН, НАТО и ЕС.

Германии удалось эффективно использовать средства из арсенала «мягкой силы», с помощью которых укреплялась ее репутация в мире как страны, имеющей богатейшее культурное наследие и несущей другим народам ценности открытого общества. При этом в постбиполярный период был усовершенствован механизм продвижения немецкой культуры на международной арене, где ключевым фактором стала информационно-пропагандистская деятельность различных институтов государственно-частного партнерства.

Одним из проявлений реализации стратегии объединенной Германии по укреплению своих международных позиций явилось развитие отношений с РФ. Факторами, оказавшими со стороны ФРГ существенное влияние на эволюцию германо-российских отношений, выступали: конкурентная борьба немецких политических партий за голоса избирателей в ходе предвыборных кампаний, состав германских правительственных коалиций, интересы влиятельных бизнес-структур, культурная экспансия Германии в глобальном и региональном (европейском) пространствах.

Противоречивые тенденции обнаружились в политической сфере, где стремление к поиску точек соприкосновения позиции ФРГ с РФ в значительной степени корректировалась нарастанием германо-российских противоречий. Ресурс личных отношений между федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером (1998–2005 гг.) и президентом РФ В.В. Путиным (2000–2004, 2004–2008 гг.) эффективно использовался немецкой стороной.

Благодаря активной работе дипломатии в ходе германо-российских межгосударственных консультаций на высшем уровне удалось сблизить взгляды двух стран на такие злободневные проблемы, как: борьба с международным терроризмом, контроль над ядерным и химическим разоружением, признание приоритета ненасильственных средств в рамках урегулирования международных конфликтов различного масштаба. Одновременно Германия стала играть роль влиятельного континентального субъекта, обеспечивавшего дипломатическое и экономическое прикрытие продвижения Североатлантического альянса и Европейского Союза на восток.

При наступлении острых конфликтных фаз в рамках отношений НАТО – РФ и ЕС – РФ, что провоцировалось перманентным расширением обоих союзов на протяжении 1990–2000-х годов, ФРГ реализовывала амортизирующую функцию, дипломатическими средствами смягчая противоречия и эксплуатируя лояльное отношение к себе со стороны официальной Москвы. В обычной ситуации германские власти проводили в жизнь интересы НАТО и ЕС с помощью политико-экономических инструментов, не считая необходимым прислушиваться к особому мнению российского руководства.

Ряд действий, предпринятых влиятельными политическими силами объединенной Германии, в том числе заострение партией христианских демократов вопроса о Калининградской области, свидетельствовал о потенциальной опасности воскрешения идей реваншизма в новом формате, когда интересы ФРГ предполагалось осуществить под эгидой Евросоюза.

Интересы ФРГ и РФ оказались наиболее близкими в области экономики, что стимулировало германскую сторону воспользоваться предоставленными шансами. Состоялась модернизация правовой базы двусторонних экономических отношений, позволившая создать предпосылки для расширения хозяйственных связей. Стороны пришли к консенсусу по поводу наиболее перспективных направлений экономического

сотрудничества, указав в их числе машиностроение, производство товаров народного потребления, сферу услуг. Вместе с тем приоритетной оставалась энергетическая отрасль, в которой ФРГ и РФ приступили к реализации ряда не имевших аналогов проектов, включая строительство Североевропейского газопровода («Северный поток»), совместное освоение Южно-Русского нефтегазового месторождения. Были обозначены возможные точки прорыва в области двусторонних научных исследований и инноваций, причем к сотрудничеству в высокотехнологических областях подключались предприятия, которые занимали конкурентоспособные позиции на европейских и глобальных рынках. Ожесточенная международная борьба за перспективные рынки стимулировала интерес Германии к интенсификации отношений с Россией в инвестиционной сфере, где преобладающие позиции заняли крупные компании ФРГ («Рургаз», «Даймлер-Крайслер», БМВ, БАСФ, «Сименс»).

ФРГ и РФ накопили ассиметричный опыт в рамках взаимного преодоления «образа врага». Эта трудная задача подлежала решению в течение длительного периода и лишь комплексно, когда все рабочие инструменты в лице идеологии, культуры, экономики и политики исправно выполняли определенные функции. Ключевую лепту в успех должна была внести идеология, благодаря изменениям которой жители обеих стран могли получить максимальное количество позитивной информации о другой державе и ее гражданах. Это направление дополнялось укреплением германо-русского сотрудничества в культурно-гуманитарной области, где проводились крупные фестивали, активизировалась работа культурных центров, расширились возможности изучения русского и немецкого языков жителями ФРГ и РФ. Усилилось и получило новые перспективные направления двустороннее взаимодействие в области проведения выставок, кинематографии, библиотечного и архивного дела, фотографии.

Однако Германии не удалось реализовать на практике наиболее полезную и выгодную модель двусторонних отношений с Россией в виде

стратегического партнерства. Стороны встали на путь признания реальных проблем и поиска их решения, опираясь на понимание собственных национальных интересов. Это заставляет считать германо-российское прагматическое сотрудничество оптимальной моделью взаимодействия, подлежащей развитию и углублению.

Список использованных источников и литературы.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.)
2. Абдуразаков Р.А. Атлантизм и евразийство как концептуальные основы внешней политики России в 1991 — 1997 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Махачкала, 1998.
3. Арзаманова Т. В. Позиция Германии во время ливийского кризиса- 2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. - М., 2011. - № 26 (42). - С. 11-15.
4. Арин О.А. Мир без России. М., 2002.
5. Бажанов Е.П. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2.
6. Балужева Т.В. Взаимодействие вуза с работодателями как фактор успешного трудоустройства выпускников // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2014. Вып.1 (12). [www.yrazvitiye.ru/wp-content/uploads/2014/06/01 -Balueva.pdf](http://www.yrazvitiye.ru/wp-content/uploads/2014/06/01-Balueva.pdf)
7. Басов Ф. Россия в установках политических партий ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 56-61.
8. Белов В.Б. Российско-германские отношения - поступательное развитие // Германия. 2010 (Доклад № 267 ИЕ РАН). М.: Ин-т Европы РАН, 2011. С. 170-188.
9. Белов В.Б., Максимычев И.Ф. Образ современной России в Германии. М.: Ин-т Европы РАН, 2010. 69 с.
10. Белозеров В. К. Отражать любые угрозы в любой точке мира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/3203/>

11. Бобылов Ю.А. Больше стратегического внимания редким и редкоземельным металлам // Наука и жизнь Израиля. 26.09.2014. <http://nizi.co.il/nauka/tochnye-nauki/redkie-zemli.html>
12. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2.
13. Васильев В. Антикризисная политика А. Меркель в рамках Европейского союза // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С. 55-66.
14. Васильев В. Восточная политика Германии: противоречивая эволюция // Международная жизнь. 2015. № 1. С. 14-28.
15. Газовый рынок Европы: утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А.Кулагина, Т.А.Митровой. НИУ ВШЭ-ИНЭИ РАН. М., 2015. http://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf
16. Гранин В. Россия и Германия: история длиною в 1000 лет // Международная жизнь. 2012. № 6. С. 57-65.
17. Грановская М. От Ганзы до «Мерседеса» // Международная жизнь. 2012. № 12. С. 174-177.
18. Григорьев Е. Мюнхен затмил Берлин // Независимая газета. 2016. 4 февраля.
19. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М., 2003.
20. Дискуссия о том, какой быть внешней политике России // Международная жизнь. 1993. № 2.
21. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации / МИД РФ. - М.: Международные отношения, 1994. - Вып. 47: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года. - С. 34-37.
22. Занегин Б.Н. Китайская революция на геополитических весах // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 1.

23. Зарецкий В. Германские инвестиции в Россию // Международная жизнь. 2014. № 9. С. 60-78.
24. Истягин Л. Г. Потенциал сближения // Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности / под общ. ред. В. И. Дашичева; отв. ред. Н. К. Меден. - М. : Институт экономики РАН, 2009. -С. 99-109.
25. К 2020 году Россия откажется от импорта редкоземельных металлов // Новости Ростех. 21 октября, 2013. <http://rostec.ru/news/3323>
26. Классен И. Новый курс во внешней политики Германии // Международная жизнь. 2014. № 5. С.103-113.
27. Клепацкий Л.Н. дилеммы российской внешней политики // Международная жизнь. 2000. № 7.
28. Клепацкий Л.Н. Имеют ли немцы «gross Zukunft» в российской экономике // Международная жизнь. 2015. № 3. С. 171-175.
29. Кокеев А. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 38-46.
30. Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. - М., 2009. - № 7. - С. 21-27.
31. Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. - М.: Европа, 2006. - 140 с.
32. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1.
33. Королёв В.И. «Император всея Земли», или за кулисами «нового мирового порядка». М., 2004.
34. Кравченко И. Образ России в германских СМИ // Международная жизнь. 2010. № 2.
35. Краткая хронология миротворческой операции по принуждению Грузии к миру // МИД РФ. - М., 2008. - 30.09. - Режим доступа: <http://>

www.mid.ru / bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/b700d6f9f6ff614ec325752e00504f75!OpenDocument

36. Кривожиha В.И. Россия в новой структуре международных отношений // Полис. 1995. № 3

37. Крюков В.А. Стратегическое значение редкоземельных металлов в мире и в России / В.А.Крюков, А.В.Толстов, Н.Ю.Самсонов. 23.10.2013. <http://dnevniky.ykt.ru/ivanshamaev/544301>

38. Кулагин В.М. Мир в XXI веке // Полис. 2000. №1. С.23-37.

39. Кургинян С.Е. Сад ветвящихся троп // Россия XXI. 2003. - №2.

40. Куфтырев И.Г. Партнерство университетов и бизнеса: опыт США / И.Г.Куфтырев, М.И.Рыхтик // Информационно-аналитические материалы. 2013. <http://www.int.unn.ru/files/2013/08/04.pdf>

41. Леонов Е. Современная Германия в фарватере концепции глобального лидерства США // Международная жизнь. 2015. № 6. С. 136-142.

42. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. Новая геополитическая расстановка сил. М., 2001.

43. Максимычев И. Ф. Германский фактор в европейской политике России 1914-2004 гг. - М. : Институт Европы РАН - ОГНИ, 2004. - 167 с.

44. Мегатренды мирового развития. / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М., 2001.

45. Меден Н. К. Некоторые проблемы российско-германских отношений // Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности / под общ. ред. В. И. Дашичева; отв. ред. Н. К. Меден. - М. : Институт экономики РАН, 2009. - С. 120- 130.

46. Михалёв Ю. А. Безопасность в современном мире // Безопасность Евразии. - 2009. - № 3(37). - С. 403-405.

47. Нарочницкая Н. Великие войны XX столетия: ревизия и правда истории. М.: Вече, 2010. 367 с.

48. Никитин А. К. Стратегия современной Германии на международной арене и интересы России. - М. : МНЭПУ, 2006. - 200 с.

49. Никифоров О. Искусство толкования новогодних речей немецких политиков // Независимая газета. 2015. 12 янв.
50. Никифоров О. Немецкий бизнес пока остаётся в России // Независимая газета. 2015. 17 авг.
51. Никифоров О. Российский угол западного мышления // Независимая газета. 2016. 12 июл.
52. Оганесян А. Ловушка для Германии // Международная жизнь. 2015. № 2. С. 66-72.
53. Оганесян А. Прощай, Германия // Международная жизнь. 2014. № 8. С. 98-100.
54. Официальная статистика. Внешняя торговля. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#
55. Павлов Н. 20 лет германского единства // Международная жизнь. 2010. № 11. С. 66-78.
56. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. - М. : Наука, 2005. - 401 с.
57. Павлов Н.В. Внешняя политика Берлинской республики: Новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. - М., 2005. - № 2. - С. 63-75.
58. Павлов Н.В. Российский вектор во внешней политике А. Меркель // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 31-42.
59. Павлов Н.В. Россия и Германия перед вызовами XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 34-42.
60. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
61. Пархитько Н. П. Политика ФРГ в НАТО в конце XX - начале XXI столетия и ее трансформация: автореф. дис. ... канд. истор. наук. - М., 2011 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-171318.html>
62. Петров В.Л. Геополитика России (Возрождение или гибель?).

М., 2003.

63. Платошкин Н. «Европейский канцлер» или закат эры Ангелы Меркель? // Международная жизнь. 2013. № 10. С. 126-134.

64. Познер В. Мы заставим считаться с собой // Аргументы и факты. 2016. № 38.

65. Примаков Е.М. Международные отношения XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.

66. Проскурин С.А. Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России // Власть. 2000. №5.

67. Рар А. Россия жмёт на газ: возвращение мировой державы. М.: ОЛМА, 2008. 384 с.

68. Решетников Л.П. США висят на волоске // Аргументы и факты. 2016. № 5.

69. Рогов С.М. Доктрина Буша. Контурь стратегии США в XXI веке // Свободная мысль. 2002. № 4.

70. «Роль Германии в мире: заметки об ответственности, нормах и альянсах». Речь Федерального президента Йоахима Гаука по случаю открытия Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 31 января 2014 г. в Мюнхене // Der Bundespräsident: интернет-сайт. URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz-Russisch.pdf>

71. Российская газета. 2012. 13 окт.

72. Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций // Под ред. А.В. Девяткова и А.С. Макарычева. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2013. - С. 128-140.

73. Самонов А.Е. Каковы перспективы возрождения редкоземельного производства в России? Каковы тенденции этого рынка? / А.Е.Самонов, А.А.Самонов. http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=385

74. Самофалова О. Вспомнили о запасах // Деловая газета «Взгляд», 17 октября 2012. <http://www.vz.ru/economy/2012/10/17/602851.html>

75. Симония Н.А. Российская внешняя политика в условиях современных вызовов // Международная жизнь. 2002. № 6.
76. Скурихин С. В. Российско-германское сотрудничество в сфере европейской безопасности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 1999. - 24 с.
77. Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова. - Ростов на/Д. : РГУ, 2001 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://politike.ru/dictionary/274/word/prognozirovanie-politicheskoe>
78. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
79. Социально-экономическое положение России. 2015 год. Официальное издание Федеральной службы государственной статистики. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/social/osn-12-2015.pdf
80. Тиммерман Х. Внешняя политика России: поиски новой идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 1994. №2.
81. Торговля в России: Сб. стат. М.: Росстат., 2015. 243 с.
82. Федеральное статистическое ведомство Германии. 2015. <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/ForeignTrade/TradingPartners/Tables/OrderRankGermanyTradingPartners.pdf>
83. Федорцев В. А. Новая внешнеполитическая концепция Германии: истоки и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 2 (29). С. 77-87.
84. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. - 5-е изд. - М. : Политиздат, 1987. - 590 с.
85. Юрьев Р. Грязный секрет Apple, или как разработка редкоземельных элементов вредит экологии и подчиняет себе производство iPhone. 2015. <http://www.iphones.ru/iNotes/403115>
86. Яковлев А.Г. И всё же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы дальнего Востока. 2000. № 4.
87. Лавров, С. В. Международные отношения в зоне турбулентности

- где точки опоры? [Текст] / С. В. Лавров // Дипломатический ежегодник - 2011 : Сборник статей. - М.: Аспект Пресс, 2012. - С. 13-22.

88. Батюк, В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка [Текст] // Международные процессы. 2010. № 2. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/009.htm#note20>

89. Барановский, В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть I) [Текст] / В.Г Барановский // Политические исследования. - 2012. - № 3. - С. 36-44.

90. Барановский, В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть III) [Текст] / В.Г Барановский // Политические исследования. - 2012. - № 5. - С. 148-158. 5.Гаджиев, К.С. К полицентрическому миропорядку [Текст] / К.С. Гаджиев // Политические исследования. - 2007. - № 4. - С. 8-23.

91. Хаас, Р. Эпоха бесполярного мира [Текст] / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. - 2008. - № 4. - С. 34-48.

92. Айкенберри, Д. Подъем Китая и будущее Запада [Текст] / Д. Айкенберри // Россия в глобальной политике. -2008. - № 5. - С. 190-204.

93. Ломанов, А. Многополярная гегемония [Текст] / А. Ломанов // Россия в глобальной политике. - 2008. - № 5. - С. 219-232.

94. Бжезинский, З. Уравновесить Восток, обновить Запад [Текст] // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Uravnovesit-Vostok-obnovit-Zapad--15458>

95. Ханна, П. Новое Средневековье [Текст] // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-Srednevek-ove-15530>

Приложения

Приложение 1

Контент-анализ публикаций по теме «Взаимодействие России и ФРГ в современной системе международных отношений» в издании «Россия в глобальной политике» за период 2012-2016 гг.

Сведения об авторе статьи	Название статьи, выходные данные	Вывод автора
Александр Братерский - специальный корреспондент «Газеты.Ру»	Россия може вернуть большую восьмерку// Россия в глобальной политике. №1, 2016 г.	<ul style="list-style-type: none">• Неясно, является ли высказывание германского министра отражением позиции только Германии или всех членов G7. Однако можно предположить, что решение о возвращении России может быть поддержано как минимум Италией и Францией. Они выступают за улучшение диалога с Россией и активно взаимодействуют с Москвой.• Впрочем, глава президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Федор Лукьянов считает, что вопрос членства России в G7 уже не имеет столь актуального значения. «Тогда это было клубом элитных западных государств, и членство в нем было вопросом престижа»
Хайнц Тиммерманн - немецкий политолог и специалист по России	Германо-российские отношения в европейском контексте. // Мировая экономика и Международные отношения. – 2006г., №3, с. 41.	<ul style="list-style-type: none">• Особую роль в германо-российских взаимоотношениях, без сомнения, представляет воссоединение Германии, которое тесно связано с реформами внешней и внутренней политики М.С. Горбачева во второй половине 80-х гг. На повестку дня советской политики были тогда поставлены взаимосвязанные приоритетные задачи: прекращение холодной войны, свертывание гонки вооружений, преодоление раскола Германии и Европы, отход от сталинизма во внешней и внутренней политике. Без решения этих задач невозможно было бы проводить

<p>Александр Гельевич Дугин - российский общественный деятель, философ, политолог и переводчик, социолог.</p>	<p>Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997г. – с.324</p>	<p>внутренние реформы в Советском Союзе.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Предстояло создать для германского единства международные условия посредством согласования интересов западных держав и Советского Союза. • Подлинные национальные интересы России и Германии в главном пересекаются: они нуждаются в мирном европейском порядке без разделяющих их границ, без вражды, без гонки вооружений и ракет, без господства и диктата, без сфер влияния в Европе с высоким благосостоянием всех ее граждан. Европа не должна играть роль слуги или младшего партнера США. • Среди стран Евросоюза Германия считается одной из стран, с которыми у России традиционно складываются наиболее дружественные и плодотворные отношения. Как во времена Гельмута Коля, так и во времена Герхарда Шрёдера германские лидеры всегда старались установить хорошие личные отношения с президентами России. • Германию называют адвокатом России в Евросоюзе, особенно на фоне его пополнения недружественно настроенными к России странами Центральной и Восточной Европы. Особое политическое сближение между обоими государствами наблюдалось в период правления Герхарда Шрёдера и Владимира Путина, завязавших крепкую личную дружбу. • Политика Меркель в отношении России будет, скорее всего, и более трезвой, и более открытой, чем у Шредера. А вот экономика от этих отношений никакого ущерба не понесет, поскольку после Шредера Ангеле Меркель ничего не придется предлагать России, кроме рынка сбыта для российских энергоносителей. Этот рынок рос, при четырех канцлерах до Шредера и будет расти при любом следующем главе правительства
---	---	---

		Германии.
Валентин Петрович Фёдоров - российский политик, экономист, член-корреспондент РАН (2011).	Германия: внешние связи // Российско-германские отношения с. 180.	<ul style="list-style-type: none"> • Экономическое сотрудничество двух стран развивается поступательно, большая часть предлагаемых российской стороной проектов претворяется в жизнь. • Германия как ведущая торговая держава весьма заинтересована в развитии экономического сотрудничества с Россией. Российский рынок потенциально представляет исключительно большой интерес для Германии: Российская федерация занимает место одного из главных поставщиков углеводородов в ФРГ • Интересы РФ обуславливают необходимость поиска путей развития отношений с Германией для налаживания конструктивных партнерских отношений с объединенной Европой, так как Германия вместе с другими развитыми государствами формирует ядро современного мирового хозяйства, прочно занимая 2-е место в мире по объему внешней торговли. ФРГ входит в число ведущих промышленно развитых стран мира.
Ахтамзян, Абдулхан Абдурахманович - советский и российский историк-международник, специалист по истории международных отношений и дипломатии XX века	Отношения России и Германии – фактор стратегической стабильности в Европе // Российско-германские отношения с. 70.	<ul style="list-style-type: none"> • Запад склонен рассматривать Россию как неисчерпаемый источник сырья, прежде всего энергетического. • Внешняя политика ФРГ характеризуется согласованностью политических и экономических интересов и экономическим прагматизмом в целом. • За последние два десятилетия Германия стала конкурентом России на постсоветском пространстве, участники круглого стола сошлись во мнении, что расширение экономического сотрудничества отвечает интересам обеих стран.
Белов Владислав Борисович – кандидат	Германия. Вызовы XXI	<ul style="list-style-type: none"> • Одной из серьезных проблем в период

<p>экономических наук, руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН.</p>	<p>века // Старый Свет – новые времена, 2009.- с.792</p>	<p>с 1991 по 1997 годы, осложняющих развитие экономического сотрудничества России и Германии, являлась проблема российских долгов. Наследием "горбачевского" периода в российско-германских отношениях во время их расцвета в 1988-1991 гг. явилась значительная задолженность России ФРГ, как на государственном, так и на частном уровне. В основе долгов банкам лежат разнообразные кредиты, полученные СССР в 1989-1991 гг.</p> <ul style="list-style-type: none"> • К 1993 г. ФРГ в силу ряда объективных причин заняла позицию, согласно которой она в последующие годы не будет более предоставлять России существенных финансовых средств и основное внимание направит на урегулирование вопросов имеющейся задолженности. В этом отношении были достигнуты два важных для обеих сторон соглашения • С 1998 года в российско-германских отношениях наступил новый этап, который первоначально ознаменовался спадом в динамике сотрудничества, который был вызван дефолтом. Особенно это проявилось в торгово-экономической области. В частности, объем товарооборота между нашими странами сократился с 34 млрд. нем.марок в 1997 г. до 29.5 млрд. в 1998 г и до 26 млрд. в 1999г. Резко сократились поставки продовольственных товаров из Германии в Россию.
<p>Павлов Николай Васильевич - российский историк, доктор исторических наук, профессор. Известный специалист по Германии</p>	<p>История современной Германии, 1945-2005. М.: Изд-ва: АСТ, Астрель, 2006 г. - с. 512</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Негативное влияние на развитие российского экспорта в Германию оказывают количественные ограничения на поставку некоторых изделий из стали, действуют ограничения в отношении ядерных материалов и услуг по обогащению урана, российского асбеста, а также некоторых пушно-меховых товаров. • Система протекционистских мер ограждает аграрный рынок ФРГ от

		<p>товаров из третьих стран, препятствуя экспорту российских мясных и молочных продуктов</p> <ul style="list-style-type: none"> • Основа российского импорта из ФРГ – машины и оборудование. В последнее время их доля заметно выросла и сегодня превышает 53%, что связано главным образом с ростом платежеспособного спроса на эту продукцию в связи с модернизацией российской промышленности.
<p>Константин Эдуардович Сорокин — российский историк и геополитик</p>	<p>Геополитика современного мира и Россия.// Политические исследования. - 1995. №1.-с.413.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • По численности населения Россия и Германия - два самых крупных государства в Европе. Соответствующий вес и значение имеют их двусторонние отношения. Сегодня, оставив позади эпоху кровавых конфликтов и политического противостояния, они встречаются как равноправные партнеры в срастающейся воедино Европе. • Исходным пунктом этого коренного поворота в двусторонних отношениях является совместный вклад обеих стран в бескровное завершение противостояния между Востоком и Западом в 1989 -1990 гг. В Германии никогда не забудут, что тогдашнее руководство Советского Союза во главе с Михаилом Горбачевым не только не воспрепятствовало объединению Германии, но способствовало ему. • На сегодняшний день рамки развития германо-российских отношений определяются преимущественно многосторонними организациями и механизмами, но тем не менее эти отношения сохраняют во многом свой неповторимый, исторически обусловленный двусторонний характер. • Россия является одной из немногих стран, с которыми Федеральное

		правительство регулярно проводит так называемые «межправительственные консультации», то есть встречи важнейших министров под совместным председательством Федерального канцлера Германии и Президента Российской Федерации
--	--	--

